

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Подземныя хранилища Московскаго Кремля.

„Забытое сокровище, потеря котораго должна печалить весь образованный міръ и открытіе котораго обогатило бы Россію новой славой“,— знаменитая библіотека Московскихъ Царей, которую Иванъ Грозный въ 1565 г. вскрывалъ изъ своихъ тайниковъ для осмотра ученому нѣмцу, пастору Іоанну Веттерману, въ недавнее время вновь привлекла вниманіе ученой изыскательности.

Достоуважаемый докторъ Эдуардъ Тремеръ [1]) съ особою цѣлью, отыскать по крайней мѣрѣ слѣды этой библіотеки, пріѣзжалъ въ Москву и нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ самымъ внимательнымъ разслѣдованіямъ по этому предмету. Въ рукописныхъ хранилищахъ Москвы онъ не встрѣтилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этой библіотеки, ни одной рукописи, которая могла бы указывать, что она попала въ существующія нынѣ библіотеки изъ книгохранительницы Грознаго Царя.

[1]) См. его статью въ Моск. Вѣдомостяхъ 1891 г. № 315 и 334: *Библіотека Іоанна Грознаго*, по поводу которой въ засѣданіи Общества Любителей Древней Письменности 19 марта 1893 г., Н. П. Лихачевъ сообщилъ подробное разслѣдованіе объ этой Библіотекѣ. (Археол. Изв. и Зам. 1893 г. № 6, стр. 252). Въ настоящей нашей статьѣ мы касаемся только вопроса, могла ли она гдѣ либо сохраниться до нашего времени.

Но послѣ того неутомимый изыскатель съ живѣйшею увѣренностью остановился на той, болѣе или менѣе правдоподобной мысли, что эта загадочная библіотека *должна* храниться гдѣ-либо въ сокровенныхъ и доселѣ неоткрытыхъ тайникахъ древнихъ Кремлевскихъ дворцовыхъ зданій, такъ сказать, въ катакомбахъ Кремля, по невниманію или забвенію, закладенная и замурованная во время безчисленныхъ перестроекъ стариннаго дворца.

Поводъ къ такому именно предположенію находится уже въ первоначальномъ извѣстіи объ этой библіотекѣ, гдѣ Ливонскій хронистъ Ніенштедтъ передаетъ разсказъ очевидцевъ, что библіотека, состоявшая изъ книгъ на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ драгоцѣнное сокровище, сохранялась *вблизи царскихъ жилыхъ покоевъ,* замурованная въ двухъ каменныхъ сводчатыхъ подвалахъ (склепахъ) или по-русски въ подклѣтахъ; что по повелѣнію царя для осмотра книгъ своды (склепы) были разломаны, по другому свидѣтельству—просто отворены; что до того времени это книжное хранилище не открывалось болѣе ста лѣтъ и книги были страшно запылены, покрыты густою пылью; что послѣ осмотра онѣ были снова спрятаны подъ тройные замки въ тѣ же подвалы.

Различные списки хроники Ніенштедта и разные ихъ переводы толкуютъ то о *двухъ* сводахъ, то о *трехъ* двойныхъ сводахъ, то о тройныхъ замкахъ, что все вмѣстѣ выясняетъ только одно, что книги находились въ каменномъ подклѣтѣ Дворца подъ замками въ строгой сохранности [2]).

Надо объяснить, съ какою цѣлью Царь показывалъ свою библіотеку ученымъ нѣмцамъ.

Во время Ливонской войны въ 1558 г. между прочимъ былъ взятъ и старый Русскій же городъ Юрьевъ (Дерптъ). По условіямъ, на какихъ была утверждена сдача города, многіе нѣмцы оставались тамъ спокойно жить; но спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1565 г., по случаю ихъ измѣнныхъ сношеній съ Ливонскимъ Магистромъ, они были переведены на житье въ Московскіе города (Карамз. IX, пр. 164). Въ числѣ этихъ юрьевскихъ нѣмцевъ былъ и пасторъ Веттерманъ, человѣкъ добраго и честнаго характера, настоящій апостолъ Господень, какъ отозвался о немъ современникъ. О немъ дошелъ слухъ и до Царя, какъ о человѣкѣ очень ученомъ. Грозный Царь любилъ ученость и ученыхъ людей и очень желалъ воспользоваться ими для Московскаго ученаго же дѣла, именно для перевода на Русскій языкъ незнаемыхъ, но, вѣроятно, любопытныхъ и полезныхъ для познанія книгъ. Вотъ почему ученый

---

[2]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1834 г. Іюнь, стр. 403, 406. Сборникъ Матеріаловъ и пр. по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV, 37.

пасторъ Веттерманъ и вмѣстѣ съ нимъ другіе три нѣмца, знавшіе русскій языкъ: Ѳома Шревенъ (Шрефферъ), Іоахимъ Шредеръ и Даніилъ Браккель, были позваны въ царскій дворецъ, чтобы показать имъ царскую книгохранительницу и узнать, какія въ ней книги могутъ быть полезны для перевода.

Дѣло было немаловажное, и потому открытіе библіотеки нѣмцамъ было поручено думному дьяку Андрею Щелкалову, казначею Никитѣ Фуникову и дьяку Ив. Висковатому. Присутствіе въ этомъ случаѣ казначея можетъ свидѣтельствовать, что царская книгохранительница находилась въ его завѣдываніи и помѣщалась гдѣ-либо на Казенномъ Дворѣ, т. е. въ зданіи, которое стояло возлѣ Благовѣщенскаго собора у его алтаря съ южной стороны и соединялось съ царскими палатами посредствомъ переходовъ, или сѣней, отчего и соборъ обозначался указаніемъ, *что на Сѣняхъ*. Особый отдѣлъ Казеннаго Двора заключался также и въ бѣлокаменныхъ подклѣтахъ, на которыхъ сооруженъ былъ Благовѣщенскій соборъ, и которыя по особому какому-либо устройству именовались также и *казнами,* то есть хранилищами для всякой государевой дорогой казны [3]). По всему вѣроятію, именно здѣсь, въ какомъ-либо сводчатомъ казенномъ подклѣтѣ сохранялась и государева библіотека. И это помѣщеніе не было далеко отъ жилыхъ покоевъ Грознаго Царя, которые деревянные, извѣстные потомъ подъ именемъ Терема (Чердака) Царицы Анастасіи Романовой, стояли позади Средней Золотой Палаты къ церкви Спаса на Бору, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Благовѣщенскаго собора.

Когда призванные нѣмцы пришли къ книгохранилищу, Думный дьякъ Щелкаловъ велѣлъ вынести имъ нѣсколько книгъ, которыя и были переданы для осмотра Веттерману. Разсмотрѣвши книги, пасторъ пришелъ въ неизъяснимый восторгъ. Онъ увидалъ здѣсь *много* такихъ сочиненій, которыя совсѣмъ не были извѣстны западной учености или были извѣстны развѣ только по ссылкамъ на ихъ авторовъ. Въ восторгѣ пасторъ заявилъ, что при всей своей бѣдности онъ отдалъ бы все свое имущество, даже всѣхъ своихъ дѣтей, все, что имѣлъ, чтобы только эти книги достались протестантскимъ университетамъ, гдѣ онѣ принесли бы много пользы христіанству.

---

[3]) О постройкѣ собора въ лѣтописи записано слѣдующее: „того же лѣта (1483) разруши князь великій Благовѣщеніе на своемъ дворѣ... только по *казну* и по подклѣтъ, и заложи *казну* около того подклѣта и палату кирпичну (Казенный Дворъ) съ казнами“. До постройки Казеннаго Двора государева казна сохранялась подъ церковью Рождества Богородицы и св. Лазаря, своды которой въ 1480 г. внезапно обвалились и „иконы поби, и множество въ Казнѣ великаго князя сосудовъ поби“. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ случай заставилъ государя устроить свою казну на новомъ мѣстѣ у Благовѣщенскаго собора.

Думный дьякъ Щелкаловъ и дьякъ Висковатый тутъ же предложили ему перевести какую нибудь изъ этихъ книгъ на Русскій языкъ, при чемъ заявили, что если онъ согласится заняться этимъ дѣломъ, то въ помощь ему будутъ опредѣлены и трое его товарищей, и знающіе люди изъ Русскихъ и нѣсколько хорошихъ писцовъ; что за свои труды онъ и его товарищи будутъ получать въ большомъ изобиліи хорошій столъ и хорошіе напитки, все потребное, а также хорошее помѣщеніе и жалованье, добрый почетъ и государевы милости, и что вообще согласіе ихъ исполнить это желаніе Государя „принесетъ не малую выгоду какъ имъ самимъ такъ и ихъ единоземцамъ“.

Выслушавши все это и придя домой, умные и дальновидные нѣмцы стали совѣтываться и раздумывать, какъ имъ поступить? Они однако разсудили очень осторожно. По ихъ мыслямъ, дѣло могло принять такой оборотъ: „Какъ только они окончатъ переводомъ одну книгу, то имъ тотчасъ же дадутъ переводить другую и такимъ образомъ имъ придется заниматься этою работою до самой своей смерти“,—что и въ дѣйствительности могло бы случиться при тогдашнихъ порядкахъ въ Москвѣ. Дьяки, по словамъ тѣхъ же нѣмцевъ, тоже будто-бы сообразили, что и имъ, дьякамъ, придется у того дѣла сидѣть неотступно, какъ-бы на цѣпи, а потому и донесли Государю, что нѣмцы отказываются отъ дѣла по той причинѣ, что не довольно свѣдущи для такого труда и не на столько знаютъ языки. Веттерманъ съ товарищами просили было дьяковъ одолжить имъ одну книгу на шесть недѣль, но, конечно, получили отказъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Какъ было упомянуто, книги попрежнему были спрятаны подъ тройные замки или въ три двойные свода, какъ разнорѣчатъ списки Хроники Ніенштедта.

Съ той поры нѣтъ извѣстій объ этомъ любопытномъ книгохранилищѣ.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія была найдена въ Юрьевѣ же небольшая записка или собственно списокъ нѣкоторымъ книгамъ той-же царской библіотеки, съ показаніемъ автора, что изъ нихъ онъ долженъ былъ перевести Ливія и перевелъ Светонія. Стало быть, дѣло переводовъ не было совсѣмъ оставлено, и библіотека снова была открываема для переводчиковъ, неизвѣстно только для тѣхъ ли самыхъ, которые вначалѣ отказались отъ работы, или уже для другихъ [1]). Это свѣдѣніе, по словамъ Клоссіуса, „возбудило въ чужихъ краяхъ отчасти великія ожиданія, отчасти сомнѣнія и недовѣріе“,—какъ случилось и

[1]) Ж. М. Н. П. 1834 г., іюнь, стр. 407—414.

теперь, въ сообщеніи Н. П. Лихачева. Всѣхъ рукописей у царя по этому свѣдѣнію было около 800. Такое количество книгъ не могло быть потеряно изъ памяти не только дьяковъ и казначеевъ, но и простыхъ дворцовыхъ служителей, близкихъ къ царскому казнохранилищу, а потому оно не могло быть по небрежности или по забвенію закладено и замуровано въ какомъ либо казенномъ подвалѣ. Этого ни подъ какимъ видомъ не могло случиться ни въ XVI, ни въ XVII столѣтіяхъ, когда всякій и малѣйшій уголокъ дворцовыхъ помѣщеній былъ на отвѣтственномъ и очень строгомъ надзорѣ и счетѣ съ подробными описями у дворцовыхъ дьяковъ и у разныхъ управителей дворцоваго хозяйства. О такихъ помѣщеніяхъ стали забывать только со времени Петра, когда Московскій дворецъ совсѣмъ былъ покинутъ на полнѣйшее разрушеніе и послѣ неоднократныхъ пожаровъ даже и не возобновлялся именно въ своихъ служебныхъ частяхъ, которыя мало-помалу разрушались и разваливались въ теченіе всего XVIII ст. Въ это время не диво было встрѣтить такой случай, что въ 1750 г. при осмотрѣ темныхъ погребовъ, находившихся подъ старымъ набережнымъ садомъ у Тайницкихъ воротъ, нашли нѣсколько кулей соли бузуну и послѣ многихъ справокъ никакъ не могли открыть, какому вѣдомству принадлежала эта соль и когда была положена въ погреба [5]). То же могло случиться и съ болѣе цѣнными предметами, но и эта забвенная соль все-таки была открыта, а для цѣнныхъ вещей, какъ увидимъ, являлись и особые изыскатели. Но подобнаго забвенія не существовало и никакъ не могло существовать при допетровскихъ царяхъ, когда царскій Дворецъ былъ полонъ жизни самой дѣятельной и службы самой строго-отвѣтственной. Какъ могла быть въ то время забыта и замурована цѣлая и по времени очень большая библіотека?

Въ дѣловыхъ записяхъ XVII ст., какія только намъ извѣстны, не встрѣчается и малѣйшихъ указаній на существованіе такого книгохранилища. Еслибъ оно существовало, то больше, чѣмъ другіе, о немъ долженъ былъ имѣть свѣдѣніе, напр., патріархъ Филаретъ Никитичъ, бывшій нѣкогда, послѣ кончины Ивана Грознаго, у его сына, царя Ѳедора, ближайшимъ бояриномъ, а бояре да и всѣ близкіе къ царю люди не меньше дьяковъ могли хорошо знать, что въ дворцовой казнѣ существуетъ, сохраняется не малое книжное сокровище. Сдѣлавшись патріархомъ и можно сказать полнымъ государемъ при своемъ сынѣ, царѣ Михаилѣ, Филаретъ Никитичъ непремѣнно отыскалъ бы это забытое сокровище, тѣмъ усерднѣе, что и самъ былъ человѣкъ книжный и про-

[5]) Домашній Бытъ Царей, изд. 2, 76.

священный. Тогда и при его внукѣ, царѣ Алексѣѣ, оно первое поступило бы въ основаніе такъ называемой Патріаршей библіотеки. Но видимо, что отыскивать было нечего; видимо, что въ XVII ст. никто и понятія не имѣлъ о потерянномъ по забвенію сокровищѣ.

Не упоминаемъ о царѣ Борисѣ Годуновѣ, при которомъ такая библіотека если бы и была гдѣ забыта и сокрыта, тоже была бы неотступно отыскана. Можно съ большою увѣренностію полагать, что она исчезла еще въ XVI ст. и именно въ пожарѣ 1571 г., когда на царскомъ дворцѣ въ каменныхъ палатахъ даже и желѣзныя связи перегорѣли и разрушились отъ огня, а въ городѣ церкви каменныя отъ пожара рассѣдались, и люди въ каменныхъ церквахъ и въ каменныхъ *погребахъ* горѣли и задыхалися... Всякое богатство и все добро погорѣло"...

Сохранялась ли библіотека въ казенныхъ подклѣтахъ Благовѣщенскаго собора, какъ мы выше указали, или „въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью Св. Лазаря", какъ настойчиво указываетъ почтенный докторъ Эд. Тремеръ,— и тамъ и здѣсь библіотека въ этотъ пожаръ не могла остаться въ цѣлости и несомнительно сгорѣла. Въ своей живѣйшей увѣренности, что знаменитую библіотеку еще возможно гдѣ либо найдти въ забытыхъ дворцовыхъ сводахъ, г. Тремеръ очень увлекается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1837 году, какъ онъ свидѣтельствуетъ, къ удивленію современниковъ, была подъ мусоромъ и бочками съ дегтемъ открыта древнѣйшая часть дворца, а именно небольшая церковь св. Лазаря, которая была совсѣмъ забыта во время построекъ и надстроекъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ поколѣній. Въ этомъ событіи, продолжаетъ г. Тремеръ, я готовъ видѣть счастливое предзнаменованіе для дальнѣйшихъ успѣшныхъ разысканій на этой почвѣ, которой пришлось пережить столько роковыхъ событій. Во всякомъ случаѣ невозможно успокоиться на той мысли, что Кремль былъ столько разъ опустошаемъ и что въ этихъ опустошеніяхъ погибла и библіотека Іоанна Грознаго: *желѣзный зондъ* долженъ рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли она погибла или она находится сокрытою подъ мусоромъ и подъ постройками, возведенными въ теченіе слѣдующихъ столѣтій [6])".

Къ свѣдѣнію объ удивительномъ открытіи подъ мусоромъ церкви св. Лазаря необходимо сдѣлать небольшую поправку. Это свѣдѣніе почерпнуто г. Тремеромъ изъ сочиненія г. Снегирева „Памятники Московской Древности", стр. 223, гдѣ и обозначено, что „открыли ее заваленною мусоромъ и бочками съ дегтемъ" въ 1837 г. Источникомъ для сочиненія г. Снегирева послужило сочиненіе г. Вельтмана: Досто-

[6]) Моск. Вѣдомости 1891 г. № 334.

памятности Моск. Кремля М. 1843 г., гдѣ авторъ выразился такъ: „Съ неизвѣстнаго времени храмъ былъ оставленъ, запустѣлъ подъ спудомъ зданія, заваленъ и застроенъ“ (стр. 63). Въ этихъ свидѣтельствахъ является представленіе, что церковь находилась какъ бы въ подземельѣ, которое было завалено мусоромъ и бочками.

Но въ дѣйствительности она находится и донынѣ въ подклѣтномъ, т. е. нижнемъ этажѣ теремнаго дворца въ ряду древнихъ бѣлокаменныхъ погребовъ и со времени Петра была не забыта, но оставлена въ запустѣніи въ числѣ простыхъ дворцовыхъ сараевъ, такъ что пишущій эти строки, занимая казенную квартиру возлѣ Рождественскаго собора, еще въ 1838 г. пользовался этимъ любопытнымъ сараемъ для склада дровъ.

Въ описи дворцовыхъ зданій 1769 г. бывшая церковь описана слѣдующимъ образомъ: „Подъ Рожественскимъ соборомъ *полата* ветхая, въ оной 2 столба каменныхъ высокихъ круглыхъ, да четвероугольныхъ 2-же; сводъ каменной, полъ деревянной самой ветхой и гнилой бревенчатой только въ одномъ углу, гдѣ круглые столбы, а посрединѣ и въ протчихъ мѣстахъ полу нѣтъ; двери деревянныя старыя, при ней замокъ нутреной желѣзной съ ключемъ ветхой, накладка желѣзная старая съ прибоемъ, надъ дверью окошко малое“ [7]).

Въ такомъ видѣ оставленный храмъ находился до времени постройки новаго Кремлевскаго дворца въ сороковыхъ годахъ, когда и Рождественскій соборъ и церковь св. Лазаря были возобновлены по древнимъ образцамъ. Ея открытіе заключалось только въ признаніи свѣдущими людьми, что это былъ оставленный храмъ св. Лазаря, какъ указывали лѣтописи. При очисткѣ его стѣнъ встрѣтились слѣды стѣнописи, изъ которыхъ явственно уцѣлѣла только подпись: „Ангелъ Господень трубитъ на землю“.

Какъ мы упоминали, описанный случай *открытія* этого храма увлекъ г. Тремера къ тому предположенію, что и *три тайника съ книгами* могутъ быть открыты здѣсь же гдѣ-либо вблизи храма.

Въ Кремлѣ повсюду неоднократно открывались подъ землею и доселѣ тамъ остаются каменныя стѣны, своды и цѣлые погреба—остатки прежнихъ построекъ, при чемъ иногда были находимы и любопытные памятники древности. Такъ, во время постройки новаго дворца въ горѣ, противъ церкви Константина и Елены, гдѣ устраивали новые погреба, былъ найденъ мѣдный сосудъ и въ немъ нѣсколько жалованныхъ грамотъ В. К. Дмитрія Донскаго [8]). Въ то же время противъ угла нынѣшней

[7]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, I стб. 1369.
[8]) Дополн. къ актамъ историч. I, № 8 и 9.

Оружейной Палаты на материкѣ найдены серебряныя шейныя гривны и серги-рясы курганной эпохи.

Въ 1882 г. между мѣстомъ, гдѣ стоитъ Царь-Пушка и зданіемъ Чудова монастыря отъ дождей посреди мостовой образовался провалъ, въ которомъ при разслѣдованіи открылся бѣлокаменный древній погребъ съ узкими окнами вверху, отличной постройки, но совсѣмъ пустой. Онъ настолько былъ сухъ, что рукописи могли бы въ немъ сохраниться.

Еще прежде за нѣсколько лѣтъ при постройкѣ новыхъ зданій на дворѣ Кремлевскихъ казармъ и кавалерскихъ корпусовъ были открыты цѣлые ряды частію бѣлокаменныхъ, частію кирпичныхъ погребовъ.

Подобныя открытія, происходившія съ давнихъ временъ по случаю новыхъ построекъ, разнесли въ народѣ молву, что въ подземномъ Кремлѣ существуютъ въ разныхъ направленіяхъ особые потаенные ходы. Разсказывали, что такой ходъ идетъ, напр., отъ Архангельскаго собора къ Боровицкимъ воротамъ, другой отъ зданія Чудова монастыря, гдѣ стоитъ Царь-Пушка, къ Троицкимъ воротамъ и т. п. Каждый открываемый погребъ въ воображеніи очевидцевъ являлся подземнымъ ходомъ.

Но кромѣ мечтательныхъ разсказовъ, существуетъ настоящее преданіе, что гдѣ-то подъ горою у Тайницкихъ воротъ въ подземныхъ тайникахъ сохраняются немалыя сокровища.

Поводомъ къ этому преданію, быть можетъ, послужило нижеслѣдующее офиціальное дѣло о поискахъ подземныхъ Кремлевскихъ сокровищъ еще при Петрѣ Великомъ.

Въ декабрѣ 1724 года въ Петербургѣ бывшій понамарь Московской церкви Іоанна Предтечи, что за Прѣснею, Кононъ Осиповъ подалъ доношеніе въ Канцелярію Фискальныхъ дѣлъ, въ которомъ писалъ:

1) „Есть въ Москвѣ подъ Кремлемъ городомъ *тайникъ*, а въ томъ тайникѣ есть двѣ палаты, полны наставлены *сундуками* до стропу (до сводовъ).

А тѣ палаты за великою укрѣпою; у тѣхъ палатъ двери желѣзныя, поперегъ чѣпи въ кольца проемныя, замки вислые превеликіе, печати на проволокѣ свинцовыя; и у тѣхъ палатъ по одному окошку, а въ нихъ рѣшетки безъ затворокъ.

2) А нынѣ тотъ тайникъ заваленъ землею за невѣденіемъ, какъ веденъ ровъ подъ Цехаузной дворъ и тѣмъ рвомъ на тотъ тайникъ нашли на своды, и тѣ своды проломали и проломавши, насыпали землю накрѣпко.

3) И о тѣхъ онъ полатахъ доносилъ въ 718 году ближнему стольнику князю Ивану Ѳедоровичу Ромадановскому на словахъ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ приказѣ. И велѣно его допросить, почему сталъ онъ о тѣхъ палатахъ свѣдомъ? И онъ сказалъ: сталъ свѣдомъ Большія

Казны отъ дьяка Василья Макарьева; сказывалъ онъ, былъ де онъ, по приказу благовѣрныя царевны Софіи Алексѣевны, посыланъ подъ Кремль-городъ въ тайникъ и въ тотъ тайникъ пошелъ близь Тайницкихъ воротъ, а подлинно не сказалъ, только сказалъ подлинно, куды вышелъ, — къ рѣкѣ Неглинной въ круглую башню, что бывалъ старый Точильный рядъ. И дошелъ оный дьякъ до вышепомянутыхъ палатъ и въ тѣ окошка онъ смотрѣлъ, что наставлены сундуковъ полны палаты; а что въ сундукахъ, про то онъ не вѣдаетъ; и доносилъ обо всемъ благовѣрной царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, и благовѣрная царевна до государева указу въ тѣ палаты ходить не приказала.

4) А нынѣ въ тѣхъ палатахъ есть ли что, или нѣтъ, про то онъ не вѣдаетъ, потому что оной дьякъ былъ посланъ въ 90 (1682) году. И кн. Иванъ Θедоровичъ по допросу, приказалъ его съ подъячимъ послать подъ тайникъ осмотрѣть и приказавщи, изъ Москвы отбылъ въ С.-Петербургъ.

5) И дьяки Василій Нестеровъ, Яковъ Былинскій послали съ нимъ подьячаго Петра Чечерина для осмотра того выхода; и оной подъячій тотъ выходъ осмотрѣлъ и донесъ имъ дьякамъ, что такой выходъ есть, токмо заваленъ землею. И дали ему капитана для очистки земли и 10 человѣкъ солдатъ; и оной тайникъ обрыли, и 2 лѣстницы обчистили, и стала земля валиться сверху; и оной капитанъ видитъ, что пошелъ ходъ прямой, и послалъ отписку, чтобъ дали дьяки такихъ людей, чтобъ подвесть подъ тое землю доски, чтобъ тою землею людей не засыпало. И дьяки людей не дали и далѣе идти не велѣли, и по сю пору не изслѣдовано.

6) И чтобъ указомъ повелѣно было ему изслѣдить и дать бы указъ у кого ему быть подъ вѣдѣніемъ, чтобъ ему къ той земляной очисткѣ требовать людей только 6 человѣкъ, о которыхъ будетъ требовать впредъ; также, чтобы было ему невозбранно требовать кирокъ, ломовъ, лопатокъ, кульковъ, или что къ тому дѣлу пристойно будетъ".

Это доношеніе, конечно, заинтересовало и самого Государя и Великій Преобразователь, выслушавъ его въ Сенатѣ, собственною рукою написалъ на немъ тако: „*Освидѣтельствовать совершенно вице-губернатору*".

Декабря 14, слѣд. безъ особаго промедленія, по приговору Правит. Сената рѣшено было выслать понамаря въ Москву, для чего дать ему отъ Петербурга до Москвы ямскую подводу и прогонныя деньги, а ему кормовыхъ по гривнѣ на день, до тѣхъ поръ, пока оное дѣло освидѣтельствуется, при чемъ къ Московскому вице-губернатору Воейкову послать указъ, „чтобы онъ освидѣтельствовалъ о той *поклажѣ* безъ всякаго замедленія, дабы пономарю кормовыя деньги даваны тунѣ не были".

Какъ начались и чѣмъ окончились эти поиски понамаря Сенату не

было извѣстно, быть можетъ, по той причинѣ, что съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ Сенатскаго рѣшенія Государь скончался 28 января 1725 г. Подобныя дѣла могли въ это время остановиться въ своемъ движеніи.

Однако понамарь не покидалъ своего намѣренія и почти черезъ десять лѣтъ, 13 мая 1734 г., снова подалъ уже прямо въ Сенатъ новое доношеніе, въ которомъ и разсказалъ, чѣмъ его дѣло окончилось въ первое время.

„Повелѣно было мнѣ, писалъ понамарь, подъ Кремлемъ городомъ въ тайникѣ оные двѣ палаты великія, *наставлены полны сундуковъ*, отыскать; и оному тайнику входъ я сыскалъ и тѣмъ ходомъ итить стало быть нельзя, потому что какъ веденъ ровъ подъ Цехаузной дворъ и на тотъ ходъ тѣмъ цехаузнымъ рвомъ на оной тайникъ найдено, на верхъ его; и оной тотъ ходъ проломали и задѣлали каменными столпами до меня нижайшаго. И по тому ходу итить мнѣ стало быть нельзя [9]). И я о томъ докладывалъ господину Воейкову и оный Воейковъ приказалъ быть у того дѣла того двора архитектору, чтобъ итить ходомъ потайнымъ показаннымъ прямо подлѣ города (подлѣ стѣны). И оный господинъ Воейковъ приказалъ для охраненія городовой стѣны, также и Цехаузнаго двора, какъ покажетъ идти, архитектору. И оной архитекторъ приказалъ новые столпы пробивать срединою, а подлѣ стѣны итить не далъ, какъ тотъ ходъ шелъ и вышелъ въ материкъ прямо къ городу. А тотъ вышепоказанный ходъ, что вышелъ изъ круглой башни, тѣми столпами уничтожилъ, потому что тѣ двери подъ городъ тѣми новыми столпами задѣланы; и не далъ въ томъ потаенномъ ходѣ оной архитекторъ позволенія. И той пробивкѣ было съ полгода и больше, а мнѣ было въ томъ его архитекторскомъ запрещеніи и вице-губернаторскомъ Воейковымъ непозволеніи учинилось продолженіе не малое, а мнѣ причитали въ вину и отказали“.

Описавши такимъ образомъ свои прежнія работы, понамарь снова просилъ дать ему повелительный указъ, чтобъ тѣ помянутыя полаты съ казною отыскать, дабы напрасно оный *интересъ* не пропалъ втуне, потому что онъ понамарь уже при старости... [10]) Онъ просилъ послать его къ работѣ въ самой скорости, чтобы земля теплотою не наполнилась; и къ той работѣ дать ему изъ Раскольнической Комисіи арестантовъ 20 че-

[9]) Повидимому эти поиски производились у арсенальной кремлевской стѣны къ кру
лой наугольной башнѣ, подъ которою устроенъ былъ тайникъ къ Неглинной для добы
воды еще въ 1492 г., когда построена была и самая башня, называвшаяся потомъ Соба
Цейхаузомъ и Цехаузнымъ дворомъ именовался Арсеналъ.

[10]) Отставной понамарь видимо былъ человѣкъ предпріимчивый. Въ 1718 г. онъ
мался по подряду въ казну издѣліемъ какихъ-то гранодерскихъ мѣдныхъ трубо
рыхъ не успѣлъ додѣлать на 20 пудовъ.

ловѣкъ, безперемѣнно до окончанія оного дѣла; и повелѣно-бъ было оное ему отыскивать въ четырехъ мѣстѣхъ. „А ежели я, оканчивалъ понамарь, что учиню градскимъ стѣнамъ какую трату и за то повиненъ смерти".

Сенатъ выслушалъ доношеніе въ тотъ же день, 13 мая, а потомъ вторично 5 іюня и опредѣлилъ взять у понамаря извѣстіе на письмѣ, въ какихъ мѣстахъ именно *поклажи* имѣются. Но вмѣсто письменнаго сообщенія ему сдѣланъ былъ словесный допросъ, на которомъ онъ и указалъ тѣ мѣста: „Въ Кремлѣ городѣ: 1) отъ Тайницкихъ воротъ; 2) отъ Костянтиновской пороховой палаты (близь церкви Константина и Елены); 3) подъ церковью Іоанна Списателя Лѣствицы; 4) отъ Ямскаго Приказу поперегъ дороги до Колегіи Иностранныхъ Дѣлъ (близь Архангельскаго собора). А что отъ котораго по которое мѣсто имѣетъ быть копка сажень и аршинъ, того онъ не знаетъ. А та *поклажа* въ тѣхъ мѣстахъ въ двухъ полатахъ и стоитъ въ сундукахъ, а какая именно, того онъ не знаетъ. А съ прошлаго 724 года, какъ онъ о той поклажѣ подалъ доношеніе въ Канцелярію Фискальскихъ Дѣлъ и по указу изъ Сената велѣно о томъ освидѣтельствовать, онъ Кононъ по нынѣшнее время о томъ не доносилъ чая, что по тому изъ Сената указу свидѣтельство исполнится"...

Какъ видно, новые поиски были разрѣшены, потому что послѣ всего секретарь сената Семенъ Молчановъ объявилъ присутствію, что „пономарь Осиповъ въ Кремлѣ городѣ поклажи искалъ и по его указанію отъ Губернской Канцеляріи рекрутами рвы копаны: 1) у Тайницкихъ воротъ на Житномъ Дворѣ подлѣ набережныхъ всѣхъ полатъ; 2) на площади противъ Иностранной Колегіи (за Архангельскимъ соборомъ), гдѣ и погребы каменные нашлись; 3) противъ Ивановской колокольни вдоль площади; 4) у Цейгаузной (арсенальной) стѣны въ круглой башнѣ; 5) въ Тайницкихъ воротахъ близъ Рентереи. И той работы было не мало, но токмо поклажи никакой не отыскалъ" [11]).

И такъ, въ подземныхъ тайникахъ Московскаго Кремля должны храниться въ трехъ склепахъ—подвалахъ или подклѣтахъ богатая книгами библіотека Царя Ивана Грознаго и въ двухъ полатахъ, полныхъ до сводовъ сундуками, невѣдомое сокровище. Можемъ ли мы отрицать, что какая либо счастливая случайность не откроетъ эти забытыя сокровища? О библіотекѣ мы представили свои соображенія, что она навсегда могла исчезнуть въ пожаръ 1571 года, такъ какъ никто изъ ея современниковъ, ни Годуновъ, ни патріархъ Филаретъ Никитичъ и всѣ другія

11) Архивъ Мин. Юстиціи: Дѣла Правит. Сената по Монетной Канцеляріи, кн. № $^{4}/_{1418}$. За любезное сообщеніе намъ копій съ этихъ любопытныхъ документовъ приносимъ глубокую благодарность многоуважаемому М. Г. Деммени.

знатныя и властныя лица не оставили потомству никакихъ указаній на ея существованіе въ ихъ время. Если-бъ и самъ Царь Иванъ Васильевичъ замуровалъ ее гдѣ либо въ своихъ тайникахъ, то упомянутые современники такого поступка, впослѣдствіи, несомнѣнно отыскали бы сокрытое сокровище. Восемьсотъ книгъ отыскать было возможнѣе, чѣмъ восемьсотъ какихъ либо пуговицъ или иголокъ! О небрежности или забвеніи въ потерѣ этого сокровища едва ли можно и помышлять.

Множество сундуковъ, наставленныхъ до сводовъ въ другихъ двухъ тайникахъ, о которыхъ столько мечталъ и хлопоталъ понамарь Кононъ Осиповъ, приводитъ на память 230 слишкомъ ящиковъ съ различными бумагами того же Грознаго Царя Ивана Васильевича, отъ которыхъ сохранилась только ихъ перечневая опись (Акты Археогр. Экспед. I, № 289).

Утрата этихъ ящиковъ несравнимо горестнѣе для Русской Исторіи, чѣмъ утрата всей библіотеки Грознаго. Вотъ гдѣ было истинное наше сокровище, которое, сохранившись, могло бы пролить истинный и обширный свѣтъ на нашу Исторію отъ временъ Батыя. Въ 148 ящикѣ здѣсь сохранялись Дефтери старые отъ Батыя и отъ иныхъ царей, съ отмѣткою, что „переводу имъ нѣтъ, никто перевести не умѣетъ“. Здѣсь сохранялись важнѣйшія бумаги и великихъ, и удѣльныхъ князей, и многихъ бояръ. Въ 47 ящикѣ лежали, напр., грамоты докончалные и грамоты духовные и книги Великимъ Князей *старыхъ*. Перечислить всѣ драгоцѣннѣйшіе памятники, хранившіеся въ этихъ ящикахъ, нѣтъ возможности. Нѣкоторые, напр., 138 ящикъ съ духовными грамотами Московскихъ князей, къ счастію сохранились, изданы и донынѣ сохраняются въ Архивѣ Министер. Иностранныхъ Дѣлъ.

Это обстоятельство указываетъ, что ящики были цѣлы, быть можетъ, еще въ XVII ст. Не о нихъ ли оставалось преданіе отъ дьяка Большой Казны Василья Макарьева? Въ особомъ тайникѣ они могли быть помѣщены для сохраненія именно отъ пожаровъ.

Ив. Забѣлинъ.

II

Газетная литература по поводу статьи И. Е. Забѣлина „Подземныя хранилища Московскаго Кремля“ и раскопки въ Кремлѣ.

Статья И. Е. Забѣлина породила довольно значительную газетную литературу, перешедшую даже въ полемику; въ виду интереса многихъ вопросовъ, возбужденныхъ этими статьями, воспроизводимъ ихъ здѣсь, опуская нѣкоторыя повторенія. Въ № 6479 „Новаго Времени“ проф. А. И. Соболевскій въ статьѣ „Подземныя палаты московскихъ царей“ даетъ свѣдѣнія о библіотекѣ Грознаго, приводитъ вкратцѣ содержаніе статьи И. Е. Забѣлина, и въ заключеніе говоритъ слѣдующее: „Мы видѣли, что понамарь не нашелъ искомаго сокровища. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ его во время поисковъ уже не существовало. Свидѣтельство дьяка Макарьева достаточно ясно и опредѣленно и не даетъ повода къ сомнѣніямъ. Энергія понамаря показываетъ, что онъ вполнѣ вѣрилъ дьяку. То обстоятельство, что царь Петръ, хорошо знакомый съ кремлевскимъ дворцомъ и его службами, не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній и не выразилъ ни малѣйшаго скептицизма по поводу „доношенія“ понамаря, удостовѣряетъ, что въ его царствованіе никакихъ сундуковъ не вынималось изъ подземныхъ палатъ и не переносилось въ другое мѣсто. Все, что мы знаемъ по исторіи Кремля и его дворца въ XVIII вѣкѣ, не оставляетъ сомнѣнія, что послѣ Петра некому было опустошить эти палаты. Итакъ, онѣ съ своими сундуками должны еще существовать въ томъ или другомъ видѣ, засыпанныя землей или совсѣмъ невредимыя, и отъ нашей энергіи и искусства зависитъ ихъ отыскать. Конечно, возможно, что найдется лишь груда гнилья; но

столь же возможно, что роскошные греческіе пергаменты и дефтери Батыя окажутся сохранившимися не хуже того, что, повалявшись нѣсколько столѣтій въ сырыхъ монастырскихъ кладовыхъ, дошло, наконецъ, до насъ.

Во всякомъ случаѣ дѣло не должно быть оставляемо безъ вниманія. Раскопки, произведенныя подъ руководствомъ такого знатока старой Москвы, какъ И. Е. Забѣлинъ, не получатъ огромныхъ размѣровъ и не потребуютъ особенно большихъ издержекъ, но могутъ дать такіе результаты, которые теперь намъ трудно себѣ даже представить".

Затѣмъ С. А. Бѣлокуровъ въ № 97 „Московъ. Вѣдом." напечаталъ статью „О библіотекѣ и архивѣ царя Ивана IV", которую приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1834 году, проф. Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, Клоссіусъ, въ спеціальной статьѣ [1]) о библіотекѣ царя Ивана IV пришелъ къ выводу, что она безслѣдно погибла. О ней и до профессора Клоссіуса имѣлись у насъ смутныя понятія, а послѣ его статьи вопросъ объ этой библіотекѣ причисленъ былъ къ числу окончательно рѣшенныхъ — въ томъ смыслѣ, что отыскивать ее намъ не приходится, такъ какъ она, внѣ всякаго сомнѣнія, не сохранилась до нашего времени.

Пріѣхавшій въ 1891 году въ Россію приватъ-доцентъ Страсбургскаго университета Эд. Тремеръ вновь поднялъ вопросъ объ ея существованіи. „Въ русскихъ ученыхъ кругахъ", пишетъ онъ, „какъ я самъ въ этомъ убѣдился, относятся къ этому вопросу весьма скептически". Несмотря на все это, слава открыть „богатое сокровище" воодушевляла его и онъ началъ свои поиски.

Не найдя библіотеки нигдѣ на землѣ, поверхъ ея, онъ заключилъ, что она спрятана подъ землей и доселѣ находится тамъ, въ одномъ изъ тайниковъ московскаго Кремля. И. Е. Забѣлинъ, въ бытность г. Трэмера въ Москвѣ, разувѣрявшій его въ этой послѣдней гипотезѣ, на дняхъ помѣстилъ статью, въ которой печатно заявилъ свое мнѣніе, что въ землѣ библіотеки царя Ивана IV-го нѣтъ, такъ какъ она сгорѣла въ большой московскій пожаръ 1571 года. Я вполнѣ согласенъ съ этимъ заключеніемъ *(что царской библіотеки въ землѣ нѣтъ)*, хотя и не по тѣмъ основаніямъ, на которыя опирается И. Е. Забѣлинъ. Въ свое время мнѣ много разъ приходилось толковать съ г. Трэмеромъ объ этой „царской библіотекѣ" и разубѣждать во многихъ его предположеніяхъ,

---

[1]) Смотри „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1834 годъ, іюнь. Въ этой статьѣ собраны всѣ свѣдѣнія о „царской библіотекѣ". Новыхъ извѣстій никѣмъ доселѣ не указано, и всѣ послѣдующіе писатели отсюда заимствуютъ свои показанія.

отъ которыхъ онъ и отказывался послѣ разговоровъ со мной. Я не могъ убѣдить его только въ одномъ, въ несбыточности его мечты—найти въ землѣ царскую библіотеку... Съ этою мечтой, что библіотека находится въ землѣ, г. Трэмеръ и уѣхалъ изъ Москвы, помѣстивъ предъ своимъ отъѣздомъ въ нѣсколькихъ нумерахъ „Московскихъ вѣдомостей" рядъ статей объ этой библіотекѣ, выпущенныхъ потомъ и отдѣльною брошюрой [1]).

Вмѣсто *Библіотеки Царской* И. Е. Забѣлинъ предлагаетъ искать въ землѣ *Архивъ Царскій*, отъ котораго де осталась одна только опись [2]).

Смѣемъ увѣрить, что поиски и этого Архива въ землѣ также будутъ безуспѣшны, потому что Архивъ этотъ находится... поверхъ земли. И. Е. Забѣлинъ въ своей статьѣ („Археологич. Извѣстія и Замѣтки" 1894 г., № 2) излагаетъ показаніе понамаря Конона Осипова о находящихся въ одномъ изъ тайниковъ Московскаго Кремля двухъ палатахъ, наполненныхъ сундуками (въ коихъ именно и склоненъ видѣть Царскій Архивъ XVI вѣка), находившихся подъ весьма крѣпкими запорами (двери желѣзныя, цѣпи, замки превеликіе, печати на проволокѣ свинцовыя). Какимъ же образомъ изъ подъ такого крѣпкаго запора, чрезъ землю, выскочилъ 138 ящикъ *Царскаго Архива* находящійся нынѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ?

Это странное явленіе объясняется очень просто: въ семъ послѣднемъ Архивѣ хранятся документы не одного только указываемаго И. Е. Забѣлинымъ 138-го ящика *Царскаго Архива*, но и весьма многихъ другихъ. Находятся они здѣсь потому, что *Царскій Архивъ XVI вѣка* въ послѣдствіи поступилъ въ Посольскій Приказъ, сдѣлавшійся его хранителемъ, а съ уничтоженіемъ Посольскаго Приказа и учрежденіемъ Кол-

---

[1]) Доставленный мнѣ имъ одинъ изъ оттисковъ съ надписью: viro doctissimo Sergio Bjelokurow in gratam sui memoriam haece, quae de re utrimque totiens in controversiam vocata comentatus est, offert semperque prorpiam ejus se fore comfirmat,—укрѣпилъ меня въ намѣреніи написать особую статью о библіотекѣ царя Ивана IV и дать въ ней г. Трэмеру обстоятельный отвѣтъ. Я медлилъ этимъ отвѣтомъ, дожидаясь выхода обѣщаннаго имъ подробнаго отчета о занятіяхъ его въ Москвѣ, доселѣ мною не полученнаго; но теперь думаю въ особой статьѣ отвѣтить ему на его статьи помѣщенныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ".

[2]) Опись эта дошла до насъ въ единственной рукописи, не имѣющей начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заголовка. Настоящее названіе дано ей редакторомъ при ея изданіи, и потому можетъ быть поставленъ вопросъ: насколько правильно это опредѣленіе? По моему мнѣнію, утверждающемуся на нѣсколькихъ основаніяхъ, указаніяхъ документовъ, оно ошибочно: предъ нами не опись *Царскаго Архива XVI вѣка*, а *опись дѣлъ Посольскаго Приказа, составленная въ 1562 году*. Съ принятіемъ этого мнѣнія, вопросъ о *Царскомъ Архивѣ* существенно измѣняется: если оно вѣрно, то разыскивать *Царскій Архивъ* нечего, ибо его не было. Но такъ какъ это мое личное мнѣніе, доселѣ еще не заявленное и недоказанное печатно, то при дальнѣйшей рѣчи я *пока временно* принимаю существующее теперь мнѣніе, что напечатанная въ *Актахъ Археограф. Экспедиціи* опись—есть опись *Царскаго Архива XVI вѣка*.

легіи Иностранныхъ дѣлъ, *Царскій Архивъ*, вмѣстѣ съ Архивомъ Посольскаго Приказа, образовавшимся въ XVII столѣтіи, какъ его составная часть, остался въ Москвѣ, въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ,—нынѣ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Итакъ, *Царскій Архивъ XVI вѣка* не скрывается въ одномъ изъ тайниковъ Московскаго Кремля, а находится на виду у всѣхъ въ Москвѣ, на углу Воздвиженки и Моховой, хотя и не въ томъ самомъ составѣ, въ какомъ изображаетъ его опись XVI вѣка.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу наглядныя доказательства. По избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича въ 1614 году, всѣ дѣла оставшіяся въ Посольскомъ Приказѣ были разобраны, и имъ была составлена подробная опись. Очень многіе ящики, бывшіе въ *Царскомъ Архивѣ XVI вѣка*,—въ 1614 году оказались въ Посольскомъ Приказѣ и были занесены въ его опись. Я укажу только нѣсколько ящиковъ, общихъ тому и другому Архиву, и отмѣченныхъ мною при бѣгломъ просмотрѣ обѣихъ описей, приводя, для бо̀льшей наглядности, тексты той и другой описи [1]). Я буду пользоваться этою описью 1614 года, потому что ея свѣдѣнія о документахъ, по своему качеству, близко стоятъ къ свѣдѣніямъ описи XVI вѣка, а документы, отмѣчаемые ею, бывшіе въ Посольскомъ Приказѣ въ 1614 году, почти всѣ сохранились до нашего времени.

Такъ, въ описи *Царскаго Архива XVI вѣка* значится:

Ящикъ 1. А въ немъ грамота докончальная Александра короля съ великимъ княземъ Иваномъ, и грамота, что дали панове Петръ Яновъ съ товарыщи и утверженая о королове, и иные грамоты съ печатми.

Въ Посольскомъ Приказѣ въ 1614 году оказались на лицо:

Грамота докончальная блаженныя памяти вел. князя Ивана Васильевича всеа Русіи съ литовскимъ Александромъ королемъ, на чомъ быти имъ въ докончаньѣ...

Грамота докончальная о вѣчномъ миру вел. князя литовскаго Александра съ вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, какъ была за великимъ княземъ Олександромъ дочь

---

[1]) Всѣ ящики *Царскаго Архива XVI вѣка*, перечисляемые описью дѣлъ Посольскаго Приказа 1614 года, и сохранившіеся до нашего времени, будутъ указаны мною въ другой работѣ, которой этотъ вопросъ касается. Подъ ящиками описи *Царскаго Архива* слѣдуетъ разумѣть не ящики внушительныхъ размѣровъ, а небольшія коробки или даже коробочки, потому что онѣ заключали въ себѣ по нѣскольку только документовъ, а многія всего на всего одну грамоту. Такъ, напримѣръ, читаемъ: „ящикъ 102, а въ немъ грамота, что привезъ Тимоѳей Бражниковъ отъ Петра воеводы волошскаго“. (См. также ящики съ однимъ документомъ 46, 59, 83, 88, 91, 93, 97 и др.).

Ящикъ 2. А въ немъ грамота перемирная Александра короля съ вел. княземъ Иваномъ и грамота, что далъ Петръ Мишковскій съ товарыщи, за ихъ печатми, да третья грамота пана Петра Яновича да Станислава Глѣбова съ товарыщи, за ихъ печатми.

Ящикъ 3. А въ немъ грамота докончальная Жигимонта короля Польскаго съ вел. княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи и грамота, что писали на Москвѣ послы его Станиславъ Глѣбовъ съ товарищи, съ ихъ печатми.

Да ящикъ 3 же... А въ немъ грамоты потвержены вел. князя Ивана Васильевича съ братьею его со княземъ Юрьемъ и со княземъ Ондреемъ Васильевичи, двѣ грамоты за одною печатью.

Ящикъ 9. А въ немъ грамоты Степана воеводы Волошскаго съ в. княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи и грамота докончальная Петра воеводы Волошскаго съ вел. княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи.

Ящикъ 38. А въ немъ книги и списки казатцкіе при Касымѣ царѣ и тюменскіе при Иванѣ царѣ.

вел. князя Ивана Васильевича всеа Русіи, а были послы вел. князя Олександра Литовскаго и цѣловали крестъ панъ Петръ Яновичъ воевода Тротцкій да маршалокъ земскій панъ Станиславъ Яновичъ...

Грамота Олександра короля литовскаго къ вел. князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, какъ далъ за нево князь великій дочерь свою, а писано въ ней о томъ, что еѣ не нудити къ люторской вѣрѣ...

Грамота перемирная Олександра короля польскаго къ вел. князю Ивану Васильевичу, а были послы воевода Ланчинскій Панъ Петръ Мышовскій да........ *(перечисляются другіе)*...... а у грамоты привѣшено 7 печатей польскихъ.

Грамота докончальная Жигимонта короля Польскаго съ вел. княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи...

Грамота докончальная о вѣчномъ миру Жигмонта короля Польскаго съ вел. княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи, а были послы воевода Полотцкой Станиславъ Глѣбовичъ да *(перечисляются другіе)*..... 4 печати были посольскіе, 3 оборваны, одна цѣла.

Грамота утвержденная вел. князя Ивана Васильевича всеа Русіи съ братомъ его со княземъ Ондреемъ Васильевичемъ... *(нѣсколько грамотъ)*. *См. также:* 2 списка съ грамотъ утвержденныхъ вел. князя Василія Ивановича всеа Русіи съ братомъ ево со княземъ Юрьемъ Васильевичемъ.

Грамота отъ Мутьянскаго воеводы отъ Петра къ вел. князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, что стоять ему съ вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи за одинъ.

Въ связкѣ тетради Шемахѣйскія и Сибирскія и казацкія орды старыя розныхъ годовъ.

Ящикъ 39. А въ немъ грамота подтверженая Петра царевича Ибреимова сына царева, зятя вел. князя, да грамота на князя Бѣльскаго, да грамота на князя Ѳедора Мстиславскаго подтверженая; грамота подтверженая на князя Василія Шуйскаго; грамота подтверженая на Ивана Воротынскаго... грамота подтверженая на князя Костентина Острожскаго; запись подтверженая на Михаила Плещеева за его рукою... записи на князя Ивана Дмитреевича Бѣльскаго, да на князя Василья Глинскаго... да подкрѣпленые... на князя Михаила Воротынскаго; да подтвержденная на Ивана Петрова сына Яковля...

Запись на царевича на Петра Обреимовича Казанскаго, какъ онъ крестился при вел. князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи и учелъ служить вел. князю Василью Ивановичу..... (*Въ другомъ мѣстѣ еще.* Списокъ съ подкрѣпленной записи на царевича Петра Обреимовича)...

Запись подтвержденная по бояринѣ по князѣ Дмитреѣ Ѳед. Бѣльскомъ...

2 записи князя Ѳедора Михаиловича Мстиславскаго, какъ онъ пріѣхалъ изъ Литвы къ вел. князю Василію Ивановичу всеа Русіи и цѣловалъ крестъ...

Запись цѣловальная боярина князя Василія Вас. Шуйскаго, на чомъ цѣловалъ крестъ вел. князю Василію Ивановичу.

Запись на князь Ивана Михайловича Воротынскаго взятаго при вел. князѣ Васильѣ Ивановичѣ...

Запись на князя Констянтина Острожскаго, какъ онъ билъ челомъ великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи и обѣщался служить...

Запись подтвержденная на Михаила Ондрѣева сына Плещѣева за ево рукою.

2 записи подтверженые по князѣ Иванѣ Дмит. Бѣльскомъ...

Запись подтвержденная...по бояринѣ по князѣ Васильѣ Мих. Глинскомъ...

Запись цѣловальная на боярина на князя Михаила Иван. Воротынскаго.

2 записи подтверженыя по бояринѣ по Иванѣ Петровичѣ Яковлева...

Ящикъ 179. А въ немъ грамота англинскаго короля Филиппа, привезъ ее Непея, да грамота, что привезъ Рыцертъ...

Двѣ грамоты къ велик. князю Василью Ивановичу отъ аглинскаго Филиппа короля, а другая отъ аглинскія отъ королевы Маріи...

Грамота прислана съ посломъ съ Рыцареѣмъ съ посланникомъ съ Осипомъ Непеею.

Ящикъ 188. А въ немъ грамоты патріарха греческаго Іасафа благословенье на царьство царю и великому князю Ивану.

Грамота Іосаоа патріарха царягрядского къ царю и велик. князю Ивану Васильевичу всеа Русіи за печатью.

Хотя можно бы указать и еще не мало общихъ Архиву XVI вѣка и Архиву Посольскаго Приказа документовъ, но думаю и этихъ девяти ящиковъ Архива XVI вѣка достаточно, чтобъ убѣдиться, что документы его перешли въ Посольскій Приказъ. Отмѣчать эти общіе документы нѣсколько затруднительно, потому что опись „Царскаго Архива XVI в.“ составлена очень плохо, именно слишкомъ кратко и неопредѣленно и часто не указываетъ отличительныхъ признаковъ документа, по которымъ тотчасъ же можно бы установить тождество. Напримѣръ, „ящикъ 23, а въ немъ книги нагайскія старыя и новыя всѣ“; „ящикъ 24, а въ немъ книги посолства волошскія“ и др. (не указываются года, а нагайскихъ и волошскихъ книгъ въ Архивѣ нѣсколько; какія именно разумѣетъ опись — неизвѣстно). Въ описи нерѣдко встрѣчаемъ такія ничего не дающія опредѣленія: „ящикъ 118, а въ немъ списки и грамоты розные старые; ящикъ 119, а въ немъ списки рознь и жалобницы розныя; ящикъ 120, а въ немъ списки рознь; ящикъ 123, а въ немъ списки рознь; ящикъ 126, а въ немъ списки старые рознь; ящикъ 129, а въ немъ списки, розныя дѣла“ и др. т. п. Если бы опись „Царскаго Архива XVI в.“ составлена была поподробнѣе, такъ, какъ составлена въ 1614 году опись Архива Посольскаго Приказа, то установить тождество можно бы гораздо скорѣе.

Мой выводъ, что „Царскій Архивъ XVI вѣка“ поступилъ въ Посольскій Приказъ не можетъ поражать странностію или неожиданностію, потому что въ „Царскомъ Архивѣ“ находились въ весьма большомъ числѣ ящиковъ, болѣе чѣмъ въ половинѣ ихъ, документы по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи. Въ описи перечисляется всего 231 ящикъ, въ числѣ коихъ 13 совсѣмъ не описаны; изъ остальныхъ 218, болѣе 125 ящиковъ содержатъ документы по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи, кои почти всѣ цѣлы доселѣ. Но въ Посольскомъ Приказѣ были не одни только эти послѣдніе документы (по внѣшнимъ сношеніямъ), но и акты, относящіеся до внутренняго быта Россіи. Въ немъ хранились грамоты договорныя, духовныя, подтвержденныя и иныя удѣльныхъ и московскихъ князей, дѣла касающіяся бояръ и вообще всего служилаго сословія. Опись 1614 года о послѣднихъ актахъ такъ говоритъ: „въ верхней палатѣ столпы старые... царя Ивана Грознаго о всѣхъ дѣлѣхъ, помѣстныя дѣла, судныя и приказныя, а переписати было не мочно, потому что ветхи добрѣ и розпались, а иные згнили“; „въ стороннихъ полаткахъ, что у посольскія полаты въ 4-хъ сундукахъ старыя же дѣла четвертныя и помѣстныя, ветхи добрѣ“. (Опись „Царскаго Архива“ перечисляетъ всѣ эти дѣла).

Но во всякомъ случаѣ „Царскій Архивъ XVI вѣка“ сохранился

(въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) не вполнѣ, не въ томъ самомъ составѣ, въ которомъ изображаетъ его опись; многихъ актовъ нѣтъ, но ихъ надо искать не подъ землей, а поверхъ ея. Мы имѣемъ указанія, что виной пропажи ихъ—Смутное Время начала XVII вѣка. Оно причиной того, что въ 1614 году въ „Посольскомъ Приказѣ разбирали и переписывали посольскія всякія дѣла", очевидно находившіяся не въ должномъ порядкѣ и сохранившіяся къ тому времени не вполнѣ. На корешкѣ переплета описи „Царскаго Архива XVI вѣка" читаемъ: Acta mag. Duc. Litv. (т.-е. Акты великаго княжества Литовскаго). Это указываетъ, что ранѣе мѣста настоящаго своего храненія (Императорской Публичной Библіотеки) опись входила въ составъ Литовской метрики и находилась въ Польшѣ. Но здѣсь, въ Литовской метрикѣ, кромѣ описи, встрѣчаемъ и цѣлыя русскія подлинныя посольскія книги, такъ-называемые статейные списки, составлявшіеся въ Посольскомъ Приказѣ. Такъ, въ Литовской метрикѣ находились три русскія посольскія книги за 1488—1572 годы. (См. „Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ", т. I и II, изд. подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова, въ 35 и 59 томахъ „Сборника Русскаго Историческаго Общества"). Это свидѣтельствуетъ о томъ, что Поляками была похищена часть „Царскаго Архива XVI вѣка" и увезена изъ Москвы въ Польшу, гдѣ, равно какъ и въ другихъ архивахъ и библіотекахъ, въ которыя она могла перейти изъ Польши или тѣмъ же путемъ, какимъ опись „Царскаго Архива" или инымъ, — и слѣдуетъ ее разыскивать. Часть же архива отъ смутныхъ обстоятельствъ начала XVII вѣка, вѣроятно, совсѣмъ погибла.

Итакъ: 1) никакого „Царскаго Архива XVI в." въ Московскомъ Кремлѣ подъ землей нѣтъ; 2) большая часть этого архива находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 3) часть архива погибла безвозвратно и 4) часть архива была увезена въ Польшу, гдѣ какъ въ частныхъ, такъ и въ правительственныхъ собраніяхъ документовъ и слѣдуетъ ее отыскивать, равно какъ и въ тѣхъ мѣстахъ, куда эти документы перешли или могли перейти".

Выводъ, къ которому пришелъ С. А. Бѣлокуровъ, не новый; тоже самое говорилъ Н. П. Лихачевъ въ своемъ сообщеніи о „Царской библіотекѣ въ XVI ст." (См. „Арх. Изв. и Зам." 1893 г., стр. 232), на которое, между прочимъ, ссылается и И. Е. Забѣлинъ. На статью г. Бѣлокурова отвѣчалъ А. И. Соболевскій статьею „Еще о Библіотекѣ и Архивѣ московскихъ царей" въ № 6511 „Новаго Времени":

„Г. Бѣлокуровъ, служащій въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сообщилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", № 97,

важныя данныя относительно Царскаго Архива XVI вѣка. Онъ открылъ, что часть ящиковъ, описанныхъ въ описи Царскаго Архива XVI вѣка, послѣ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, въ 1614 г., находилась въ Посольскомъ Приказѣ, была въ немъ описана и почти цѣликомъ дошла до пашихъ дней. Произведенное имъ сличеніе содержанія девяти ящиковъ по описи XVI вѣка и по описи 1614 г. не оставляетъ сомнѣнія, что эти ящики Царскаго Архива тѣ самые, которые находились въ началѣ XVII вѣка въ Посольскомъ Приказѣ, такъ что мы не можемъ уже сомнѣваться, что Царскій Архивъ XVI в. не погибъ въ нашествіе Девлетъ-Гирея и что его драгоцѣнные документы могутъ еще найтись.

Но г. Бѣлокуровъ не ограничивается сообщеніемъ данныхъ. Онъ старается увѣрить, что никакого Царскаго Архива въ XVI вѣкѣ не было, что дошедшая до насъ въ отрывкѣ опись XVI вѣка есть не болѣе какъ опись Архива Посольскаго Приказа, что большая часть мнимаго, по его мнѣнію, Царскаго Архива XVI вѣка находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, хотя долженъ сознаться, что „*многихъ актовъ*“, значащихся въ описи XVI вѣка (и притомъ древнѣйшихъ) или хотя бы какихъ-нибудь упоминаній о нихъ ему нигдѣ не удалось найти.

Мнѣніе г. Бѣлокурова, что никакого Царскаго Архива въ XVI вѣкѣ не было, по меньшей мѣрѣ, странно. Изъ того, что нѣсколько ящиковъ съ документами, касающимися по преимуществу внѣшнихъ сношеній Россіи въ царствованія Ивана III, Василія Ивановича и Ивана Грознаго, въ 1614 году оказались въ Посольскомъ Приказѣ, можно сдѣлать лишь то заключеніе, что эти документы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, въ концѣ XVI или самомъ началѣ XVII вѣка, были взяты изъ Царскаго Архива въ Приказъ для справокъ и въ этотъ архивъ не были возвращены. Остальные документы, къ Посольскому Приказу не имѣющіе отношенія, конечно, остались по прежнему въ Царскомъ Архивѣ. Одни изъ нихъ намъ извѣстны по описи XVI вѣка, дошедшей, повторяемъ, лишь въ отрывкѣ. Это—„дефтери“ Батыя и другихъ хановъ и духовныя „старыхъ“ великихъ князей, предшественниковъ Ивана Калиты, перешедшія въ Царскій Архивъ вмѣстѣ съ другими, конечно, многочисленными документами, захваченнаго Калитою великокняжескаго архива.

Это—дѣла церковныхъ соборовъ XV и XVI вѣковъ (часть ихъ—объ Артеміи, Башкинѣ и Косомъ—находились въ ящикѣ 222). Другіе намъ неизвѣстны, но мы имѣемъ право догадываться о многихъ изъ нихъ Московскіе великіе князья, захватывая города и княженія, захва-

тывали и документы, относящіеся къ послѣднимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иванъ III перевезъ въ Москву новгородскій архивъ (частица его—договорныя грамоты новгородцевъ съ тверскими князьями XIII и XIV вѣковъ и еще кое-что—даже дошла до насъ), что Василій Ивановичъ сдѣлалъ то же со псковскимъ архивомъ, что архивы князей суздальскихъ, тверскихъ, рязанскихъ, царей казанскихъ и астраханскихъ, также не были оставлены безъ вниманія. Все это должно было поступить именно въ Царскій Архивъ, а не въ архивы тѣхъ или другихъ вѣдомствъ или приказовъ. Сверхъ того на существованіе особаго Царскаго Архива въ XVI вѣкѣ указываетъ существованіе этого архива въ XVII вѣкѣ. Дѣла Посольскаго Приказа по внѣшнимъ сношеніямъ Москвы въ XVII вѣкѣ сохранились въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ отличной сохранности и полнотѣ, но въ нихъ зачастую отсутствуютъ *подлинныя* грамоты къ царямъ иностранныхъ государей,—очевидно потому, что они хранились въ Царскомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими, очень важными, но для справокъ не нужными документами.

О другомъ мнѣніи г. Бѣлокурова, будто *большая* часть Царскаго Архива XVI вѣка находится въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, послѣ сказаннаго выше, намъ не приходится распространяться. Г. Бѣлокуровъ упоминаетъ и о библіотекѣ Ивана Грознаго, но лишь для того, чтобы назвать несбыточною „мечту“ ее найти. Онъ основывается, разумѣется, на молчаніи о ней документовъ дворцоваго вѣдомства и приказовъ XVII вѣка. Однако, вотъ интересный фактъ относительно уже несомнѣнно существовавшей библіотеки московскихъ царей XVII вѣка.

Наши цари изъ дома Романовыхъ пріобрѣтали много книгъ. Всякая сколько-нибудь важная книга, отпечатанная московскимъ печатнымъ дворомъ, обязательно подносилась имъ; не мало авторовъ и переводчиковъ представляли или присылали имъ свои произведенія въ рукописныхъ или печатныхъ экземплярахъ. Сверхъ того, по особымъ заказамъ дворцоваго вѣдомства, для нихъ списывались и снабжались иллюстраціями книги разнаго содержанія. Конечно, подносные экземпляры были болѣе или менѣе роскошны. Что же касается заказныхъ списковъ, то надъ ними работали лучшіе писцы московскихъ приказовъ вмѣстѣ съ лучшими московскими иконописцами и выѣзжими живописцами и переплетчиками. Несомнѣнно, къ концу XVII вѣка царская библіотека была довольно значительна. Несомнѣнно (на это есть доказательства), въ ней были лѣтописи и хронографы. Между тѣмъ до насъ не дошло о ней не только описи, но и вообще никакихъ данныхъ, кромѣ упоминаній документовъ о поднесеніяхъ да о выдачѣ жалованья и наградъ писцамъ и иллюстра-

торамъ. А при Петрѣ произошло даже слѣдующее: Въ 1720 году предписано было губернаторамъ переписать всѣ историческія рукописныя и печатныя книги, находившіяся въ монастыряхъ и соборахъ, а въ 1722 году предписано было изъ всѣхъ епархій „древнихъ лѣтъ рукописанные на хартіяхъ и на бумагѣ церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочіе имъ подобные“ взять въ Москву въ Синодъ. Но при этомъ никто не вспомнилъ объ царской библіотекѣ, и ея лѣтописи и хронографы, къ величайшему нашему сожалѣнію, не были даже описаны. Они остались въ московскомъ дворцѣ и съ нимъ вмѣстѣ сгорѣли въ 1737 году, въ страшный пожаръ, испепелившій почти всю Москву. Одна или двѣ книги изъ царской библіотеки XVII вѣка, могущія дать намъ понятіе о роскоши царскихъ экземпляровъ, кажется, находятся въ библіотекѣ нашей Академіи Наукъ, въ числѣ книгъ, оставшихся послѣ несчастнаго царевича Алексѣя.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что голоса скептиковъ въ родѣ г. Бѣлокурова не помѣшаютъ произвести поиски въ Кремлѣ. Думаемъ, что результаты этихъ поисковъ, какъ бы они ничтожны не были все-таки будутъ болѣе цѣнны, чѣмъ результаты производимыхъ у насъ ежегодно раскопокъ кургановъ и могильниковъ и не потребуютъ большихъ издержекъ, чѣмъ эти послѣднія?“

Въ отвѣтъ на статью А. И. Соболевскаго послѣдовала вторая статья С. А. Бѣлокурова, напечатанная въ № 121 „Московскихъ вѣдомостей“ по тѣмъ-же заглавіемъ „О библіотекѣ и архивѣ царя Ивана IV“:

„На мою первую статью „О библіотекѣ и архивѣ царя Ивана IV“ (*Московскія Вѣдомости* № 97) послѣдовалъ отвѣтъ А. И. Соболевскаго, помѣщенный въ *Новомъ Времени* № 6.511. Извѣстіе объ этомъ меня заинтересовало, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности ознакомиться со сдѣланными мнѣ возраженіями. Но какъ велико было желаніе поскорѣе прочитать ихъ, такъ же велико было и послѣдовавшее по прочтеніи разочарованіе...[1]) Отвѣтъ этотъ меня нисколько не убѣдилъ въ ошибочности моего мнѣнія по вопросу о „Царскомъ Архивѣ XVI вѣка“, и я въ настоящей статьѣ постараюсь разрѣшить всѣ недоумѣнія моего критика.

А. И. Соболевскій возражаетъ мнѣ и по вопросу о библіотекѣ царя Ивана IV, и по вопросу объ его архивѣ. Относительно библіотеки я заявилъ только что ея подъ землей нѣтъ, не высказавъ своихъ

---

[1]) Я не имѣю возможности слѣдить за всѣми появляющимися сообщеніями по сему вопросу, и потому усерднѣйше прошу всѣхъ лицъ, желающихъ чтобъ ихъ замѣчанія навѣрно дошли до меня, присылать мнѣ оныя, адресуя: Москва, Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

основаній въ пользу этого мнѣнія, такъ какъ о ней я готовлю особую статью. Г. Соболевскій попытался рѣшить этотъ небольшой ребусъ, но рѣшилъ его совсѣмъ неудачно. Хотя онъ авторитетно заявляетъ что «я основываюсь, *разумѣется*, на молчаніи о ней документовъ дворцоваго вѣдомства и приказовъ XVII вѣка", но могу завѣрить его что основанія моего мнѣнія *совершенно другія*... Передаваемыя же имъ свѣдѣнія о царской библіотекѣ, образовавшейся *въ XVII столѣтіи* при московскихъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, и о распоряженіяхъ послѣдовавшихъ *въ XVIII столѣтіи* и касающихся собранія рукописей въ Москву — рѣшительно не понимаю, какое отношеніе имѣютъ эти свѣдѣнія къ вопросу о библіотекѣ Грознаго? Вѣдь у меня идетъ рѣчь не о существованіи царскихъ библіотекъ вообще, и даже не о какой-либо библіотекѣ царя Ивана IV, а только о той его библіотекѣ, о которой говорится въ хроникѣ Ніенштедта, со словъ пастора Веттермана. [1]).

Впрочемъ, странностей въ статьѣ г. Соболевскаго не мало, между прочимъ и въ ея первой части, касающейся вопроса о „Царскомъ Архивѣ", гдѣ встрѣчаемся съ такими пріемами критики, присутствія коихъ тутъ я уже никакъ не ожидалъ: мои показанія, говорящія противъ г. Соболевскаго, не только переиначиваются, но и совсѣмъ замалчиваются.

Въ своей статьѣ я утверждалъ что такъ-называемый „Царскій Архивъ XVI вѣка" перешелъ въ послѣдствіи въ Посольскій Приказъ и, въ подтвержденіе этого, указалъ на девять ящиковъ Царскаго Архива, оказавшихся въ 1614 году въ Посольскомъ Приказѣ, при чемъ отмѣтилъ что въ архивѣ Посольскаго Приказа въ 1614 году находились, и теперь находятся, не только эти девять ящиковъ, но и другіе ящики „Царскаго Архива XVI вѣка", какъ съ документами по внѣшнимъ сношеніямъ, такъ и съ актами относящимися до внутренняго быта Россіи. Г. Соболевскій согласился съ моимъ мнѣніемъ относительно указанныхъ девяти ящиковъ, но совсѣмъ замолчалъ остальные отмѣченные мной ящики, какъ будто бы я совсѣмъ ничего и не говорилъ о нихъ. О томъ что бо́льшая часть „Царскаго Архива XVI вѣка" находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — г. Соболевскій почему-то совсѣмъ не хочетъ и „распространяться". По нѣкоторымъ оброненнымъ словамъ заключаю что мой критикъ не имѣетъ надлежащихъ понятій ни о составѣ Московскаго Главнаго Архива Ми-

[1]) Г. Соболевскій, говоря что въ XVII вѣкѣ авторами подносились царямъ рукописи и, по особымъ заказамъ, списывались и снабжались иллюстраціями книги разнаго содержанія, утверждаетъ что эти рукописи не дошли до насъ. По секрету сообщу г. Соболевскому неизвѣстное ему — что подобныя рукописи имѣются все въ томъ же Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

нистерства Иностранныхъ Дѣлъ, объ его документахъ, ни о томъ гдѣ въ прежнее время, въ XV—XVII вѣкахъ, хранились государственные акты.

Относительно архива Посольскаго Приказа г. Соболевскій, кажется, думаетъ что въ немъ находилось *только дѣлопроизводство* по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи, а что подлинные грамоты и трактаты хранились въ какомъ-то особомъ Царскомъ Архивѣ. Но это совершенно невѣрно. И въ XVI вѣкѣ со времени учрежденія Посольскаго Приказа, и въ XVII вѣкѣ—*подлинные* документы по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи хранились въ этомъ Приказѣ. Изъ нѣсколькихъ описей дѣлъ его, составленныхъ съ 1614 года по конецъ XVII столѣтія, можно привести не одну сотню примѣровъ въ подтвержденіе этого; но, думаю, для настоящей статьи будетъ достаточно слѣдующихъ трехъ примѣровъ описанія *подлинныхъ* трактатовъ и трехъ примѣровъ описанія *подлинныхъ* грамотъ. Вотъ, напримѣръ, какіе документы перечисляются описью дѣлъ Посольскаго Приказа составленною въ 1614 году:

„Грамота перемирная Литовскаго Жигимонта короля съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, какъ были послы Янъ Витковскій подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго съ товарыщи лѣта по литовски отъ Рождества Христова 1541; а у грамоты двѣ печати“.

„Грамота перемирная Жигимонта-Августа короля Полского къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, а были послы воевода Иновлочславскій панъ Ондрей Скротошинъ да коштелянъ менской панъ Миколай Талвожъ да секретарь Ондрей Ивановъ; а у грамоты печать вислая, королевская, лѣто писано по литовски 1571 году“.

„Грамота перемирная Жигимонта-Августа короля Полсково съ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи какъ были королевскіе послы князь Станиславъ Збаровскій, воевода Витебскій да маршалокъ и писарь королевскій староста тикотинскій панъ Янъ Шинковичъ, писарь и секретарь державца кестамонской и досентцкой да панъ Ведславъ Миколаевичъ въ 7064 году; а у грамоты печать короля полская“.

„Грамота Мутьянскаго воеводы Петра, что далъ сыну своему, а у ней печать; писана лѣта 7057-го году“.

„Грамота къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи отъ бискуповъ и отъ пановъ радъ великаго княжества Литовскаго, что посылаютъ къ государю пословъ пана Михаила Харабурду, писана по литовски отъ Рожества 1502, прислана въ великій Новгородъ съ Михаиломъ Харабурдою, а у ней 14 печатей пановъ радъ“.

„Грамота къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Ру-

сіи отъ Стефана короля Польского прислана о послѣхъ съ гонцемъ съ Петромъ Везгертомъ, лѣта по литовски отъ Рожества Христова 1572 году". [1]).

Съ самыхъ древнихъ временъ (съ XVI вѣка) *дѣлопроизводство* Посольскаго Приказа всегда отдѣлялось отъ *подлинныхъ* документовъ по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи. Г. Соболевскому, кажется, неизвѣстно что всѣ документы, и прежде и теперь, въ Архивѣ Посольскаго Приказа, по сношеніямъ Россіи съ тою или другой страной, раздѣляются на: 1) посольскія *книги*—статейные списки, 2) *подлинныя* грамоты и трактаты, и 3) самыя *дѣла,* дѣлопроизводство, старинные столпы, и что каждый родъ сихъ документовъ хранится отдѣльно отъ другаго. А о томъ сколько подлинныхъ документовъ хранилось въ Посольскомъ Приказѣ въ XVI—XVII столѣтіяхъ, можно судить по оставшемуся къ нашему времени числу ихъ: за время до 1650 года въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ имѣется подлинныхъ документовъ по сношеніямъ съ Австріей 32 нумера (собственно по 1613 годъ, потому что 33-й нумеръ—1654 года), съ Англіей 85 нумеровъ и т. д. Нѣкоторыхъ документовъ подлинныхъ за XVII вѣкъ (*очень немногихъ*) въ Архивѣ нѣтъ, не потому что они лежатъ въ какомъ-то особомъ „Царскомъ Архивѣ", а потому что они не сохранились до нашего времени. Не надо позабывать что въ 1626 году дѣла Архива „горѣли", какъ говоритъ опись ихъ, составленная послѣ пожара, и что они подверглись пожару и въ XVIII столѣтіи, въ 1747 году.

Вмѣсто надлежащаго мѣста храненія, г. Соболевскій отправляетъ документы въ какой-то особый Царскій Архивъ. Чтобы доказать его существованіе, мой критикъ дѣлаетъ нѣсколько предположеній о томъ, что при завоеваніи московскими великими князьями и царемъ Иваномъ IV нѣкоторыхъ русскихъ областей забиралися и ихъ архивы. Относительно Новгорода Великаго мы, дѣйствительно, имѣемъ указанія на этотъ фактъ; такъ же ли поступали и въ другихъ областяхъ—неизвѣстно. Предположимъ что нѣкоторые документы изъ нихъ увозились въ Москву; но это обстоятельство противъ меня нисколько не говоритъ. Вопросъ въ томъ: по привозѣ въ Москву, куда поступали на храненіе эти документы? Помѣщеніе для нихъ г. Соболевскій указываетъ все въ томъ же особомъ „Царскомъ Архивѣ", существовавшемъ, по его словамъ, *не только въ XVI, но и въ XVII вѣкахъ*. Онъ правъ когда го-

[1]) Мой критикъ, кажется, не усомнится что здѣсь разумѣются подлинники, а не копіи. Послѣднія опись называетъ обыкновенно, какъ и въ другихъ памятникахъ, „списками съ грамотъ". Напримѣръ, здѣсь же, въ этой описи 1614, читаемъ: „Списокъ съ опасные грамоты Польского Стефана короля на государевыхъ пословъ на Остафья Пушкина съ товарыщи; лѣта писаны по литовски 1581".

воритъ что я отрицаю существованіе этого Архива. Я не могу допустить той возможности чтобы существовалъ какой-то особый Царскій Архивъ не при какомъ-либо изъ приказовъ, не при какомъ-либо правительственномъ учрежденіи, а стоящій особнякомъ ото всего, висящій на воздухѣ.

Отъ конца XV вѣка и отъ первой половины XVI вѣка мы имѣемъ нѣсколько указаній на то, что въ то время государственные акты хранились въ великокняжеской *казнѣ*. Такъ, привезенная въ 1491 году послами Юріемъ Траханіотовымъ и дьякомъ Василіемъ Кулешинымъ докончальная грамота короля Максимиліана отдана казначею Дмитрію Володимерову „въ казну". Въ 1532 году великій князь Василій III выдалъ „изъ казны" списокъ съ духовной грамоты князя Ив. Бор. Волоцкаго. (*Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, т. I, стр. 343). На казначеевъ завѣдывавшихъ царскою казной очень часто возлагались дипломатическія порученія. „Трудно только рѣшить, говоритъ В. О. Ключевскій, что здѣсь было причиной и что слѣдствіемъ, — бывалъ ли казначей дипломатомъ, потому что хранилъ дипломатическія дѣла въ своемъ приказѣ, или наоборотъ". (*Боярская дума древней Руси,* 2 изд. М., 1883 г., стр. 172).

Съ учрежденіемъ Посольскаго Приказа, акты хранившіеся въ великокняжеской казнѣ поступили въ этотъ Приказъ. А такъ какъ въ великокняжеской казнѣ хранились не одни документы по внѣшнимъ сношеніямъ, и такъ какъ посольскіе дьяки на первыхъ порахъ часто бывали и казначеями, то въ описи Царскаго Архива — первой сохранившейся доселѣ описи дѣлъ бывшихъ въ Посольскомъ Приказѣ, [1]) — на ряду съ актами по внѣшнимъ сношеніямъ встрѣчаемъ документы касающіеся внутренняго быта Россіи и даже бумаги дворцовыхъ дьяковъ и казначеевъ (см. „ящикъ 162 Бакакинской съ приказными дѣлами" — то-есть дьяка Ивана Бакаки Митрофанова Карачарова, и др.). Вотъ причина почему въ 1614 году въ Посольскомъ Приказѣ были не одни только документы по внѣшнимъ сношеніямъ. Изъ 80 ящиковъ „Царскаго Архива" съ актами относящимися до внутренняго быта Россіи до 30 ящиковъ оказались полностію, или частію, въ 1614 году въ По-

---

[1]) Опись, составленная ранѣе этой дьякомъ Иваномъ Висковатымъ, не сохранилась до нашего времени. Время составленія настоящей описи такъ-называемаго Царскаго Архива (напечатанной въ I томѣ *Актовъ Археограф. Экспедиціи* № 280) относится или къ 1575 — 1584 годамъ, или къ 1572 - 1575 годамъ, или ко времени около 1570 года. Въ своей первой статьѣ я поспѣшилъ высказать свое мнѣніе что она составлена въ 1562 году. Такъ какъ подлинника описи, долженствующаго рѣшить нѣкоторыя возраженія противъ этого мнѣнія, я еще не видалъ, то беру это мнѣніе назадъ и выскажу свое сужденіе по этому вопросу по просмотрѣ описи въ рукописи.

сольскомъ Приказѣ. Хранившіеся въ немъ акты послужили основаніемъ дать А. Л. Ордину-Нащокину титулъ: „царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель".

Г. Соболевскій, приводя мои слова что многихъ актовъ Царскаго Архива въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ настоящее время нѣтъ, совсѣмъ замалчиваетъ указываемыя мною причины ихъ отсутствія и вѣроятное ихъ мѣстонахожденіе, [1]) вслѣдствіе чего мнѣ приходится просить его обратить вниманіе на это. Въ дополненіе же къ сказанному уже мной въ первой статьѣ считаю не лишнимъ добавить еще слѣдующее:

Недостаетъ документовъ касающихся, главнымъ образомъ, внутренней исторіи Россіи. Часть ихъ могла быть изъ такъ-называемаго „Царскаго Архива" передана и въ архивы другихъ приказовъ (кромѣ Посольскаго; на это есть намеки и въ самой описи), гдѣ, слѣдовательно, также не мѣшаетъ ихъ поискать. Но немалая часть ихъ въ 1614 году была въ Посольскомъ Приказѣ. Въ описи дѣлъ его, составленной въ этомъ году, они отдѣльно не перечисляются, потому что лица производившія ее заботились, главнымъ образомъ, о томъ чтобы привести въ полную извѣстность „государственныя и посольскія дѣла". Въ описи не разъ встрѣчаемъ отмѣтку: „а государственныхъ и посольскихъ дѣлъ нѣтъ". Такъ, въ одномъ мѣстѣ (л. 185) читаемъ: „изъ задніе палаты пересматриваны дѣла въ ящикахъ. 1-й ящикъ, въ немъ лѣтописецъ польскихъ и литовскихъ королевствъ (смотр. 114-й ящикъ „Царскаго Архива"). Да въ томъ же ящикѣ рознь старая при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ доводныя и иныя приказныя дѣла и наказы посланникомъ и гонцомъ по опальныхъ людей и иная мелкая рознь; а посольскихъ дѣлъ нѣтъ. 2й ящикъ, а въ немъ дѣла старыя при царѣ Иванѣ и приказныя и доводныя и наказы по опальныхъ людей и распросныя рѣчи и росписи животомъ опальныхъ людей, а посольскихъ дѣлъ нѣтъ".

Въ другомъ мѣстѣ (л. 341) читаемъ:

„Да въ верхней палатѣ, что надъ посолскою палатою, собраны на землѣ столпы старые, а въ нихъ писаны отпуски въ неметцкіе городы съ хлѣбными запасы, и какъ помѣщены въ неметцкихъ городехъ русскіе помѣщики при царѣ Иванѣ, и грамоты отъ государя въ порубежные городы и въ неметцкіе къ боярамъ и воеводамъ о всякихъ дѣлѣхъ и ко государю отъ бояръ и воеводъ отписки, и дѣла Новгороцкіе

[1]) О томъ что въ настоящее время нѣтъ именно *древнѣйшихъ* документовъ, и что я о нихъ нигдѣ не встрѣтилъ никакихъ упоминаній,—объ этомъ я ни слова не говорилъ, и приписывая мнѣ это, г. Соболевскій клевещетъ.

и Колмогорскіе четьи книги записныя, таможенныя и кабацкія, и приприходъ и расходъ деньгамъ, и дѣла помѣстныя старыя, и дѣла судныя и приказныя и доводныя, и рѣчи распросныя, и наказы посланникомъ и гонцемъ по опальныхъ людей и росписи животомъ опальныхъ людей и иная мелкая рознь; а имянно порознь тѣхъ старыхъ дѣлъ переписати было немочно, потому что ветхи добрѣ и роспались, а иныя сгнили, а государственныхъ и посольскихъ дѣлъ въ той полатѣ нѣтъ; а что было въ той палатѣ государственныхъ и посольскихъ дѣлъ, и тѣ дѣла въ 122 году снесены въ посолскую палату и нынѣ тѣ дѣла въ книги написаны, а старыя всякія дѣла покладены въ коробьи. Да въ сторонних полаткахъ, что у посольскіе палаты, въ 4хъ сундукахъ старыя же дѣла четвертныя и помѣстныя ветхи добрѣ; а что было въ тѣхъ палаткахъ посольскихъ дѣлъ, и тѣ посольскія дѣла выбраны и въ книги написаны же."

Если всѣ эти дѣла еще въ 1614 году были „ветхи добрѣ и распались, а иныя сгнили", такъ что переписать ихъ „было немочно",— то, конечно, странно было бы ждать чтобы всѣ эти дѣла сохранились до нашего времени въ цѣлости. Иныя изъ нихъ не дошли до насъ и потому что въ 1766 году, по приказанію коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, было сожжено: „4 сундука съ листочками и отрывками отъ разныхъ столбцовъ гнилыхъ и грязью слѣпленыхъ и 5 сундуковъ съ одною гнилью, которая при покойномъ статскомъ совѣтникѣ Топильскомъ лопатами сгребена и въ тѣ сундуки складена, потому что ничего разобрать не можно, а только одною пылью назвать можно". Въ первыхъ 4 сундукахъ находилось 5.620 лоскутковъ съ дѣлами „прежнихъ и давнихъ лѣтъ вотчинными, соляными и другими, къ сохраненію Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ архивѣ не принадлежащими"...

Какъ возможное мѣстонахожденіе нѣкоторыхъ документовъ „Царскаго Архива" мной была указана Польша съ ея архивами, какъ частными, такъ и правительственными. По напечатаніи статьи, я получилъ отъ В. А. Уляницкаго свѣдѣніе о томъ что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ между Россіей и Польшей происходили переговоры о выдачѣ увезенныхъ Поляками изъ Москвы документовъ. Произведенныя розысканія вполнѣ подтвердили это. А на дняхъ Н. Н. Оглоблинымъ, завѣдующимъ Литовскою Метрикой, хранящеюся нынѣ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, мнѣ сообщено что нѣкоторые документы „Царскаго Архива" находятся теперь въ этой части Литовской Метрики. Мое предположеніе такимъ образомъ подтверждается фактами.

Но о документахъ увезенныхъ Поляками изъ Москвы въ XVII вѣкѣ я сообщу въ слѣдующей статьѣ, а настоящую закончу тѣми же выво-

дами что и предыдущую: 1) никакого „Царскаго Архива XVI в.“ въ Московскомъ Кремлѣ подъ землей нѣтъ; 2) бо́льшая часть этого Архива находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 3) часть Архива была увезена въ Польшу, гдѣ, какъ въ частныхъ, такъ и въ правительственныхъ собраніяхъ документовъ, и слѣдуетъ ее отыскивать, равно какъ и въ тѣхъ мѣстахъ куда эти документы перешли или могли перейти; 4) часть Архива погибла безвозвратно. Къ этимъ прежнимъ выводамъ присоединяю новый—что часть „Царскаго Архива“ можетъ отыскаться въ другихъ русскихъ архивахъ“.

На вторую статью С. А. Бѣлокурова отвѣчалъ А. И. Соболевскій въ № 6548-мъ „Новаго Времени“ статьею „Еще о кремлевскомъ тайникѣ“:

„Наша статья объ архивѣ и библіотекѣ московскихъ царей, написанная по поводу мнѣнія г. Бѣлокурова, будто бы царскаго архива никогда не существовало и будто бы то, что мы называемъ царскимъ архивомъ, ни что иное, какъ архивъ посольскаго приказа, вызвала возраженіе со стороны г. Бѣлокурова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (4-го мая, № 121), возраженіе такого рода, что мы неохотно вступаемъ въ новую бесѣду съ его авторомъ. Дѣло въ томъ, что г. Бѣлокуровъ заботится не столько о разъясненіи спорнаго вопроса, сколько о томъ, чтобы блеснуть познаніями и похвалиться открытіями...

Мы упомянули о роскошныхъ иллюстрированныхъ рукописяхъ, бывшихъ въ царской библіотекѣ XVII вѣка и сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ московскимъ дворцомъ въ XVIII вѣкѣ. Г. Бѣлокуровъ сообщаетъ, какъ нѣчто новое, что „подобныя“ рукописи находятся въ мѣстѣ его служенія—въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, давно извѣстно, что „подобныя“ рукописи, т.-е. болѣе или менѣе сходныя съ экземплярами царской библіотеки, имѣются не только въ архивѣ, но и въ Публичной библіотекѣ (хронографы), и въ Румянцевскомъ музеѣ (житіе Николая Чудотворца, книга о Сивиллахъ)...

Мы не придали значенія праздной догадкѣ г. Бѣлокурова, что неоказывающихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ документовъ слѣдуетъ искать въ Польшѣ, въ какихъ-то польскихъ рукописныхъ собраніяхъ. Онъ негодуетъ на „замалчиваніе“ нами этой догадки и сообщаетъ, какъ открытіе, что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ велись съ поляками переговоры о выдачѣ увезенныхъ поляками изъ Москвы документовъ. Но объ этихъ переговорахъ, какъ и о похищеніи поляками нѣкотораго количества дѣлъ посольскаго приказа, слишкомъ десять лѣтъ назадъ, говорилъ Г. Ѳ. Карповъ (во введеніи къ 35-му тому „Сборника Русскаго Историческаго Общества“).

Мы высказали убѣжденіе, что въ XVI—XVII вѣкахъ былъ въ Москвѣ особый царскій или государственный архивъ и что онъ, можетъ быть, хранится еще и теперь въ московскомъ тайникѣ. Г. Бѣлокуровъ, не допускающій даже возможности, чтобы существовалъ „какой-то особый царскій архивъ", открываетъ, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ „государственные акты хранились въ великокняжеской казнѣ", но съ учрежденіемъ посольскаго приказа эти акты были переданы изъ казны въ названный приказъ. Цѣнность этого открытія видна изъ слѣдующаго. Въ той, самой описи, въ которой мы видимъ опись царскаго архива XVI вѣка, а онъ—«опись дѣлъ посольскаго приказа, составленную въ 1562 году",—при нѣкоторыхъ документахъ (ящики 7-й, 8-й) находится указаніе, что они «у государя въ казнѣ". Ясно, казна съ документами существовала у московскихъ царей не только до, но и послѣ „учрежденія" посольскаго приказа; также ясно, что она была лишь временнымъ помѣщаніемъ документовъ, на то только время, когда они нужны были государю.

Но и мы также можемъ похвалиться маленькимъ открытіемъ. Мы думали, что г. Бѣлокуровъ, принимаясь разъяснять вопросъ о царскомъ архивѣ XVI вѣка, съ должнымъ вниманіемъ перечелъ только что упомянутую опись царскаго архива. А оказывается, онъ съ нею знакомъ довольно плохо. Въ виду этого открытія, мы позволяемъ себѣ указать ему на находящуюся въ описи отмѣтку о книгахъ королей литовскихъ и о грамотѣ короля Казимира къ митрополиту Іонѣ (ящикъ 18-й): „75 (то-есть: въ 1567 году) въ посольную палату взялъ Андрей" (Щелкаловъ). Она, на нашъ взглядъ, вполнѣ разъясняетъ дѣло. Если документы были взяты въ посольскій приказъ и объ этомъ на описи было отмѣчено, очевидно, они были не въ посольскомъ приказѣ, а въ какомъ-то особомъ хранилищѣ, котораго стараго названія мы не знаемъ и, которое, конечно, не могло носить названія архивъ, употребляемаго для него нами.

Этимъ мы заканчиваемъ споръ съ г. Бѣлокуровымъ о царскомъ архивѣ, но не заканчиваемъ дѣла о московскомъ тайникѣ.

Пусть двѣ палаты въ этомъ тайникѣ, наполненныя сверху до низу сундуками, пригрезились обладавшему пылкимъ воображеніемъ дьяку царевны Софьи, когда онъ проходилъ черезъ тайникъ. Все же въ тайникѣ временъ Софьи должно было находиться нѣчто цѣнное. Вѣдь царевна отправила въ тайникъ „дьяка большой казны" чиновника для того времени важнаго, отправила не для того, чтобы онъ прогулялся по тайнику отъ Москвы-рѣки до Неглинной, а зачѣмъ-то такимъ, что хранилось въ тайникѣ и, конечно, не даромъ хранилось именно въ тай-

никѣ. Слѣдовательно, если мы не найдемъ въ тайникѣ библіотеки и архива, мы, пожалуй, найдемъ что-нибудь еще лучше ихъ...

Мѣсто тайника указано понамаремъ въ его доношеніи царю Петру достаточно опредѣленно. Дьякъ, разсказъ котораго сообщенъ понамаремъ, спустился въ тайникъ около Тайницкихъ воротъ (самое ихъ названіе говоритъ о существованіи около нихъ тайника) и вышелъ въ башню при рѣкѣ Неглинной, у Китая-города, т. е. въ башню, находящуюся теперь противъ Историческаго музея. Итакъ, тайникъ шелъ отъ одной рѣки Москвы-рѣки въ другой — Неглинной, черезъ середину Кремля, проходилъ близко отъ дворца и еще ближе отъ Благовѣщенскаго собора, соединеннаго въ XVI—XVII вѣкахъ съ дворцомъ крытымъ ходомъ „сѣнями" и, безъ сомнѣнія, имѣлъ сообщеніе съ дворцомъ или непосредственно, или черезъ соборъ. Въ виду этого слѣдовало бы сдѣлать тщательный осмотръ подваловъ и подполья собора. Кстати, намъ привелось слышать отъ лица къ археологіи совершенно непричастнаго, будто бы одинъ изъ сторожей Благовѣщенскаго собора недавно спускался подъ полъ собора и вышелъ изъ подполья въ небольшой коридоръ, оканчивавшійся запертыми желѣзными дверями" *).

Пожеланія, выраженныя А. И. Соболевскимъ, — произвести раскопки въ Кремлѣ, начали осуществляться: съ разрѣшенія Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ князя Н. С. Щербатова, въ концѣ мая приступлено къ изслѣдованію направленія подземныхъ ходовъ, которыми шелъ дьякъ Василій Макарьевъ въ 1682 г. и позднѣе—понамарь Кононъ Осиповъ. Мѣсто, выбранное для раскопокъ съ цѣлью отыскать „палаты полны наставлены сундуками до стропу"—Троицкая башня, внизу которой, подъ мостомъ, со стороны Александровскаго сада, была пробита брешь. Руководитель раскопокъ надѣялся проникнуть путемъ галлереи, которую уже начали вести, прямо въ подземный ходъ, тайникъ, идущій по предположенію кн. Н. С. Щербатова, въ фундаментѣ кремлевской стѣны вокругъ всего Кремля.

Кромѣ того, были начаты пробныя раскопки на площади между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами, гдѣ была проведена

*) Кн. Н. С. Щербатовъ, завѣдующій раскопками въ Кремлѣ, сообщилъ редакціи, что онъ наводилъ справки у сторожей собора, изъ которыхъ нѣкоторые живутъ много лѣтъ въ подклѣтахъ Благовѣщенскаго собора, о коридорѣ съ желѣзными дверями въ концѣ его, но никто ничего подобнаго не видалъ. Кн. Н. С. Щербатовъ, также сообщилъ, что фундаментъ нижняго этажа собора, древнѣйшей, бѣлокаменной кладки, заложенъ на $1^1/_2$ арш. ниже уровня соборной площади, а кирпичной кладки (времени Грознаго) на 2 арш. съ небольшимъ ниже того-же уровня.

траншея, обнаружившая каменныя стѣны бывшаго Казеннаго Двора; затѣмъ въ нижнемъ этажѣ Благовѣщенскаго собора, находящемся на 1 арш. ниже площади, вскрытъ полъ подъ самою срединою собора, на пространствѣ 2-хъ квадр. арш., и подъ поломъ оказалась пустота, засыпанная мусоромъ, а на $^1/_2$ арш. ниже—другой каменный полъ. подъ нимъ оказался также мусоръ, среди котораго найдено много битой посуды стеклянной цвѣтной и глиняной, покрытой разноцвѣтной глазурью; посуда, повидимому, восточнаго происхожденія и, кромѣ того, на стеклянной замѣтны слѣды восточнаго письма; въ томъ-же мѣстѣ найдена мѣдная деньга 1737 года (имп. Анны) и рѣзная горельефная пластинка изъ слоновой кости, длиною въ 2 в., шириною въ 1 в., съ изображеніемъ двухъ монаховъ, со слѣдами позолоты и раскраски; по мнѣнію видѣвшихъ пластинку, она итальянской работы и относится къ XV вѣку и, наконецъ, подъ Грановитою Палатою, на гауптвахтѣ, гдѣ былъ также вскрытъ полъ, подъ которымъ, однако, ничего не найдено.

Эти раскопки были временно прекращены и все вниманіе сосредоточено на Троицкой башнѣ, подъ которою 27 іюня удалось пробить послѣ мѣсячной работы тунель на разстояніи болѣе 10 арш. со стороны Александровскаго сада. За стѣной оказался большой высокій тайникъ съ хорошо сохранившимися бѣлокаменными сводами, вышиною въ 7 арш. и въ $6^1/_2$ арш. въ квадратѣ. По срединѣ тайника былъ открытъ люкъ, закрытый каменной плитою. Когда этимъ люкомъ спустились внизъ, то тамъ оказалось очень просторное, такой же величины, помѣщеніе, какъ на верху, только не настолько высокое. Въ немъ, кромѣ мусора и камней, ничего не оказалось. Люкъ этотъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, оказался пробитымъ въ позднѣйшее время, такъ какъ настоящій спускъ въ нижній тайникъ обнаруженъ въ нишѣ стѣны верхняго тайника. Въ верхнемъ же тайникѣ, на противоположной сторонѣ отъ входа, былъ невысокій проходъ, который велъ въ другой тайникъ. Послѣ измѣренія оказалось, что проходъ, въ которомъ можно съ трудомъ идти только согнувшись, имѣлъ 9 аршинъ длины, при чемъ въ срединѣ его имѣется выступъ. Второй тайникъ оказался почти такихъ же размѣровъ какъ первый. При первомъ бѣгломъ взглядѣ и здѣсь бросается въ глаза разрушенный люкъ, а около него—груды земли и камней, которыя образуютъ собой нѣчто въ родѣ воронки. Видно что тутъ происходили когда то дѣятельныя изслѣдованія. Спустившись внизъ, изслѣдователи нашли точно такое же помѣщеніе, какъ и подъ первымъ тайникомъ. По дну его разбросаны камни и навалена земля. Въ одной стѣнѣ видна пробитая брешь, потомъ опять заложенная. Кромѣ указаннаго люка, имѣется для спуска внизъ изъ верхняго

тайника еще въ сторонѣ отверстіе. По мнѣнію князя Н. С. Щербатова, подъ нижнимъ тайникомъ долженъ быть еще тайникъ, ниже уровня Александровскаго сада, аршинъ на 10—12, изъ котораго долженъ вести ходъ подъ Кремлевскими стѣнами къ Круглой башнѣ. Въ виду такого предположенія начались работы по разчисткѣ дна нижняго тайника.

Во второмъ тайникѣ также нашелся выходъ. Въ стѣнѣ башни обращенной къ Кремлевской площади, обнаруженъ былъ узкій ходъ-туннель, который скоро подъ прямымъ угломъ поворачивалъ направо и поднимался постепенно скатомъ вверхъ. Этотъ ходъ тянулся на довольно большое разстояніе и выходилъ за башней въ Кремлевской стѣнѣ. Достаточно было нѣсколько ударовъ лома, чтобы пробить брешь стѣны, при чемъ оказалось, что ходъ выходилъ на площадь вблизи корпуса Потѣшнаго Дворца и былъ заложенъ камнями. Возвратившись обратно этимъ ходомъ въ тайники, изслѣдователями было обращено вниманіе на отдушины, имѣющіяся въ стѣнахъ обоихъ тайниковъ съ двухъ сторонъ. Эти отдушины поднимаются вверхъ и засыпаны теперь мусоромъ. Въ обоихъ верхнихъ тайникахъ своды сдѣланы изъ бѣлаго камня и прекрасно сохранились, равно какъ и кирпичная кладка.

Землю съ пола верхняго тайника Троицкой башни очистили, при чемъ въ землѣ нашли 2 человѣческія кости: лѣвую плечевую и большую лѣвую берцовую; на послѣдней замѣтны слѣды ударовъ остраго орудія. Кромѣ того, найдены обломки 2-хъ архитектурныхъ глиняныхъ колонокъ съ рельефною орнаментаціею, покрытою разноцвѣтною поливою, обломки подобныхъ-же капителей, поливныхъ изразцовъ и осколки украшеній въ видѣ виноградныхъ кистей.

Одновременно съ изслѣдованіями подъ Троицкой башней было приступлено къ раскопкамъ подъ Боровицкими воротами, для чего было вырыто нѣкоторое пространство земли и обнаруженъ сводъ, довольно широкій, засыпанный землей. Когда онъ былъ пробитъ, то увидѣли ходъ, который велъ въ правую сторону и выходилъ въ громадную и высокую палату. Въ этой послѣдней, какъ оказалось въ послѣдствіи, аршина на четыре засыпанной землей, не оказалось выхода, въ виду чего приступлено къ отысканію его. Предполагая, что онъ долженъ выходить въ Кремль, начали разрывать землю около стѣны, обращенной къ Дворцовой площади, и раскопка была доведена до пола, который оказался каменнымъ, но признаковъ выхода въ стѣнѣ пока не нашли. При очисткѣ земли были найдены кости и черепъ какого то животнаго, мѣдные оклады иконъ едва ли ранѣе нынѣшняго столѣтія и мѣдная копѣйка Петра Великаго 1709 года. Нужно замѣтить, что палата поражаетъ своею высотой; судя по пробоинамъ въ стѣнахъ для балокъ, она

подраздѣлялась на три этажа; въ верхней части съ трехъ сторонъ имѣются подобія оконъ, постепенно суживающихся извнутри къ наружной части стѣны.

Ходъ въ палату подъ правую половину Боровицкой башни заставилъ изслѣдователей искать прохода подъ лѣвую сторону башни, предполагая что и тутъ должна быть палата. Послѣ нѣсколькихъ дней работы напали на слѣды прохода, который былъ заложенъ кирпичемъ. Когда стали очищать кирпичъ, то оказалось, что чѣмъ дальше ходъ углублялся, тѣмъ болѣе суживался и, на разстояніи двухъ аршинъ въ глубь, закончился желѣзною рѣшеткой изъ толстыхъ круглыхъ прутьевъ, которая загораживала узкое отверстіе въ пустоту, послѣ изслѣдованія стальнымъ щупомъ оказавшуюся засыпанною землей. Рѣшетка была вынута, но расширеніе пролета настолько, чтобы въ отверстіе могъ проникать человѣкъ, было признано неудобнымъ. Предположеніе, не найдется ли ходъ подъ башню слѣва около стѣнки, подпирающей своды подъ проѣздомъ, было оставлено, и начатыя работы по пробитію свода пріостановлены. Между тѣмъ изслѣдованіе пустоты за отверстіемъ продолжалось; нѣкоторыя данныя дали изслѣдователямъ основаніе заключить, что это отверстіе должно выходить въ Александровскій садъ, въ наружной стѣнѣ башни. Съ этою цѣлью начато было обнаженіе стѣны башни со стороны Боровицкаго моста. Дѣйствительно, предположеніе оправдалось. Когда отрыта была земля на глубинѣ болѣе двухъ аршинъ, то найдено было небольшое отверстіе въ стѣнѣ вблизи угла башни. Но разбивать это отверстіе признано нецѣлесообразнымъ, и вырытая около стѣны яма снова засыпана.

Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія оканчиваются 8-мъ іюля и о продолженіи раскопокъ своевременно будетъ напечатано. При раскопкахъ, кромѣ кн. Н. С. Щербатова, присутствуютъ кн. Н. А. Гедройцъ и гражд. инж. М. Н. Литвиновъ.

Во время рытья водопроводныхъ канавъ въ Кремлѣ (въ Маѣ и Іюнѣ) было обнаружено и найдено слѣдующее: на площади, между зданіемъ Суда и Арсеналомъ, на аршинной глубинѣ, найдена деревянная мостовая и деревянный гробъ и нѣсколько надгробныхъ каменныхъ плитъ XVI в.; на одной надпись: „Лѣта 7089 (1581) Мая 16 преставися рабъ Божій инокъ скимникъ Иевъ Олексѣевъ сынъ“ [1]). На той же Сенатской Площади найдена чугунная пушка въ 35 пуд. вѣсомъ. На казенной части, близь запала, находится буква *P*, а около цапфъ надпись Woronez (Воронежъ?). На правой цапфѣ монограмма изъ буквъ *P* и *A* (Петра I), а

[1]) На этомъ мѣстѣ было Троицко-Богоявленское подворье, гдѣ былъ избранъ на царство Михаилъ Өеодоровичъ.. См. Памятники Московской древности, Снегирева, стр. XLIV.

на лѣвой—монограмма изъ буквъ *C* и *Z;* обѣ монограммы подъ коронами. Пушка, безъ сомнѣнія, временъ Петра Великаго. Близь колокольни Ивана Великаго—четыре массивныхъ столба, между которыми пропущено дерево, вѣроятно, это остатки сруба, на которомъ висѣлъ колоколъ, отлитый при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, впослѣдствіи разбившійся и перелитый въ теперешній Царь-Колоколъ, и наконецъ у временнаго забора, окружающаго мѣсто постройки памятника Императору Александру II, къ сторонѣ Архангельскаго собора, пробитъ землекопами уголъ бѣлокаменнаго свода, открывшій входъ въ комнату, длиной въ 7 арш.

По поводу кремлевскихъ тайниковъ и подземелій г. М. И. П. въ № 6564 „Новаго Времени" помѣстилъ статью, въ которой говоритъ, „что кремлевская почва почти вся насыпная и состоитъ изъ песку, сухой извести, кирпича, бѣлаго камня, обломковъ лещади отъ старыхъ строеній; такое наслоеніе въ ней мѣстами на 6 и 10 аршинъ толщиной. Но есть мѣстности, гдѣ такая насыпь оказывается и на большемъ пространствѣ. Такъ, въ 40-хъ годахъ, при вбиваніи свай, гдѣ Конюшенный корпусъ, материкъ былъ найденъ ниже 27 аршинъ. Также, при подведеніи подъ малый дворецъ новаго фундамента, материкъ былъ открытъ подъ 12 и 13 арш. насыпи. Очевидно, что въ вышеописанныхъ мѣстахъ когда-то были овраги или лощины. Даже гдѣ стоятъ соборы Успенскій и Архангельскій, трудно докопаться до материка. Когда въ 1853 году впервые вздумали устроить печи, то внутри стали рыть яму, надѣясь найти подъ чугуннымъ поломъ подвалъ или материкъ, на которомъ могли бы положить печи, то рыли, рыли и находили одинъ щебень и мусоръ, такъ что и на семи-аршинной глубинѣ не удалось найти материка, а встрѣтили только два пола, одинъ подъ другимъ, а ниже вырывался тоже одинъ мусоръ. То же и въ Архангельскомъ соборѣ. Когда въ 1872 г. потребовалось выровнять въ алтарѣ половыя чугунныя плиты, то материкъ былъ обнаруженъ послѣ двухъ половъ, на пяти аршинахъ глубины. Единственно, гдѣ былъ найденъ натуральный грунтъ въ Кремлѣ и почти на поверхности, то это на Боровской площади, гдѣ стоитъ Большой кремлевскій дворецъ. Непрочность кремлевской почвы испытали зодчіе императрицы Екатерины II, когда въ 1773 году государыня повелѣла архитектору Баженову построить дворецъ, закладка дворца была сдѣлана противъ Архангельскаго собора внизу, къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ Тайницкая башня съ воротами (башня тогда была разобрана, послѣ она опять возстановлена въ прежнемъ видѣ). При копаніи рвовъ для фундамента дворца замѣчено было, что земля съ горы отъ Архангельскаго собора осыпается

во рвы и, къ удивленію строителей, на южной стѣнѣ собора показались большія трещины. Императрица приказала строеніе остановить, опасаясь, чтобы усыпальница древнихъ великихъ князей и царей русскихъ не поколебалась. Екатерина повелѣла только хранить модель дворца, на память будущимъ временамъ. Эта модель по огромности единственная въ свѣтѣ, она стоила тогда 40,000 руб., сумма по времени очень большая. Модель эту дѣлалъ архитекторъ Назаровъ; она хранится въ Оружейной палатѣ.

Въ древности Кремль былъ тѣсно застроенъ зданіями; на рѣдкомъ мѣстѣ его нѣтъ свободныхъ мѣстъ отъ остатковъ старинныхъ построекъ и частые провалы мостовой открываютъ слѣды прежнихъ сооруженій. Извѣстный протоіерей А. Лебедевъ, въ продолженіе болѣе 45-лѣтняго своего служенія въ Кремлѣ, насчитываетъ девять такого рода бывшихъ при немъ проваловъ въ сводахъ тайниковъ или переходовъ, изъ которыхъ семь засыпаны или застроены, а два починены, но не завалены. Эти кремлевскія подземелья сообщались когда-то между собою коридорами и имѣли безъ сомнѣнія, нѣсколько выходовъ на поверхность земли. Лебедевъ указываетъ на два такихъ: одинъ изъ нихъ былъ внутри Кремля, именно изъ второго подвала при Архангельскомъ соборѣ, по лѣстницѣ, на теперь замощенную проѣзжую дорогу, противъ южной стѣны собора; другой, видимый и теперь, находится внѣ Кремля, подъ башнею надъ Боровицкими воротами, въ третьемъ отдѣленіи Александровскаго сада. Въ этомъ мѣстѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, при исправленіи фундамента башни былъ открытъ огромный изъ бѣлаго камня подвалъ и коридоръ; это сообщалъ ему кремлевскій сторожилъ, десятникъ казенныхъ работъ, крестьянинъ Андрей Алексѣевичъ.

Въ послѣднее пятидесятилѣтіе нынѣшняго столѣтія вотъ гдѣ были наблюдаемы провалы и открыты тайники: Одинъ изъ такихъ обозначился на дорогѣ противъ праваго угла восточной стѣны Архангельскаго собора близъ тротуара, идущаго по гребню горы. Другой провалъ случился въ 1838 году на площади противъ большого дворца въ первый годъ его сооруженія. Затѣмъ, при заложеніи фундамента для кремлевскаго дворца, была найдена древняя церковь съ коридорами и тайниками. Въ пятидесятыхъ годахъ на дворѣ, гдѣ помѣщается золотая рота, обнаружился тоже провалъ. Въ 1860 году на Синодальномъ дворѣ было открыто древнее жилье изъ нѣсколькихъ комнатъ, найдена была здѣсь и печка съ оставшимися отъ топки углями. Жилье это приведено въ порядокъ и не засыпано. Затѣмъ въ этихъ же годахъ, найденъ въ землѣ такой же тайникъ на Потѣшномъ дворѣ. Въ 1863 г. въ воротахъ Троицкой башни была открыта тоже жилая комната; провалив-

шійся въ ней сводъ починенъ и тайникъ не засыпанъ. Въ томъ же году на проѣзжей дорогѣ, между Чудовымъ и Двѣнадцати апостоловъ монастырями, оказался подвалъ; послѣдній былъ засыпанъ. Въ 1873 году черезъ этотъ подвалъ изъ бѣлаго камня проведена въ чугунныхъ трубахъ въ Малый дворецъ мытищенская вода. Въ Чудовомъ монастырѣ издавна были большіе подвалы; при Екатеринѣ II они отдавались въ наемъ винному торговцу Птицыну. Въ подземельяхъ Чудова монастыря содержался патріархъ Гермогенъ. Въ подвалахъ этой обители былъ заключенъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ митрополитъ Исидоръ. Въ 1870 году на проѣзжей дорогѣ, мимо южной стѣны Архангельскаго собора, въ сводѣ коридора одного изъ подваловъ при соборѣ, на одиннадцати аршинномъ разстояніи отъ палатки собора, тоже обнаружился провалъ. При постройкѣ этой палатки въ 1826 году, были открыты подъ нею два кирпичные со сводами, глухіе и темные, просторные подвала или тайника. Говоря о подземельяхъ при Архангельскомъ соборѣ, протоіерей Лебедевъ описываетъ одинъ подвалъ, который подходитъ подъ мостовую дорогу; по своду его ѣздятъ и ходятъ; въ послѣднемъ открыта въ 1864 году изъ-подъ мусора довольно широкая изъ бѣлаго камня лѣстница, выходившая на поверхность земли, чрезъ скрытое на мостовой отверстіе, заложенное впослѣдствіи чугунною плитою и замощенное камнемъ. Эта лѣстница была очищена отъ щебня только ступеней на пятнадцать и затѣмъ опять заложена. Заложенный снаружи плитою выходъ изъ подваловъ по лѣстницѣ выходилъ противъ ризницы Благовѣщенскаго собора, гдѣ также были свои тайники. Въ въ одномъ изъ описываемыхъ подваловъ открыта желѣзная дверь, мѣрою ниже средняго роста человѣка, съ огромнымъ висячимъ замкомъ; она была засыпана мусоромъ провалившагося въ коридорѣ свода по случаю постановленія въ 1835 году чугунной рѣшетки отъ Архангельскаго къ Благовѣщенскому собору, и желѣзная дверь, безъ сомнѣнія, служила сообщеніемъ съ другимъ подземельемъ. Въ одномъ изъ подваловъ, при Архангельскомъ соборѣ, служившемъ для неисправныхъ плательщиковъ соборныхъ оброковъ, былъ найденъ тяжеловѣсный исправительный стулъ съ желѣзными цѣпями. Въ нѣкоторыхъ тайникахъ также находили черепки отъ глиняныхъ сквозныхъ трубокъ, называвшихся „слухами“, посредствомъ которыхъ спрятанные въ подземельяхъ могли, будто бы, слушать происходившіе снаружи вражескіе разговоры. Въ 1882 г., среди улицы между Царь-пушкою и Чудовымъ, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршина, тоже были найдены погреба со сводами. Тайницкія ворота служили въ старину, во время, осадъ города, также тайнымъ выходомъ на Москву рѣку за водою или для вылазокъ. Въ выдав-

шейся къ рѣкѣ части башни, образующей правильный квадратъ, существуетъ глубокій обширный колодезь или яма: въ народѣ живетъ преданіе, будто эта яма не что иное, какъ тайный подземный ходъ за Москву-рѣку.

Много ямъ и разныхъ тайниковъ было въ древности и не въ одномъ Кремлѣ. Хотя Іоаннъ Грозный и любилъ жить подъ святынею въ Кремлѣ, но когда пошли тамъ на его царское житье сплетни да подзоры, то царь оставилъ Кремль и повелъ свою жизнь въ хижинѣ на топкомъ мѣстѣ, въ ракитникѣ, по Неглинной. Полюбилось это мѣсто царю-затворнику; кстати здѣсь отъ болотъ тянулась ножка, сапожокъ — такъ въ древности назывались сухія мѣста между топями, удобныя для жилья. Вотъ тутъ-то и построилъ себѣ царь подкремлевскій дворецъ, со многими ходами въ бездонныхъ землянкахъ; тутъ была и тайная, гдѣ и нареклись приговоры Курбскому, Шереметеву, Турову, Бутурлинымъ, Адашеву, Сильвестру. Объ этихъ хоромахъ царя, лѣтъ за сто до нашихъ дней, народъ говорилъ, какъ о какой-то запрещенной государственной тайнѣ. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ подкремлевскій дворецъ Грознаго, теперь горное правленіе". [1]).

IV.

Къ раскопкамъ въ Кремлѣ.

Вслѣдъ за обнаруженіемъ существованія въ подземной части Троицкой башни 4-хъ палатъ (расположенныхъ, какъ извѣстно, въ два этажа по двѣ въ каждомъ), приступлено было къ обслѣдованію ихъ съ цѣлью опредѣленія, не имѣютъ ли онѣ сообщенія съ тайникомъ (ходомъ), предполагаемымъ изслѣдователемъ, въ толщѣ Кремлевской стѣны или съ другимъ тайникомъ внутри Кремля. Работа эта оказалась однако слишкомъ капитальной, такъ какъ нижнія палаты завалены землей и мусоромъ слишкомъ на 10 аршинъ, и землю эту приходилось поднимать воротомъ въ бадьяхъ и мѣшками выносить въ Кремлевскій садъ. Кромѣ того, сводъ надъ задней нижней палатой — самой интересной, такъ какъ при существованіи тайниковъ именно она сообщалась бы непосредственно съ ними, — оказался столь поврежденнымъ, что инженеръ М. Н. Литвиновъ, состоящій при изслѣдованіяхъ, совершенно не допустилъ работу въ означенной палатѣ.

Къ виду изложеннаго, скораго обнаруженія забытыхъ секретовъ Кремлевскихъ стѣнъ и башенъ, въ данномъ пунктѣ, ожидать не приходилось, а потому, не прекращая послѣдовательнаго очищенія нижней передней палаты (Троицкой башни), изслѣдователи въ поискахъ тай-

[3]) Нѣсколько чаще встрѣчаются иконы съ вкладными записями. Напримѣръ, въ Симоновомъ монастырѣ хранится икона Успенія Пресвятыя Богородицы съ надписью: „Сію икону далъ царя и великаго князя постельничей Матвѣй Ѳеодоровичъ Б у р у х и н ъ, во иноцѣхъ Макарій въ лѣто 7060“. (См. „Описаніе Симонова Монастыря“ (М., 1843), стр. 70).

ника направили свои изысканія на другія точки Кремлевской стѣны (по тому же фасу ея), а именно на Боровицкую башню и на стѣну по обѣимъ сторонамъ ея, т. е. къ Водовзводной башнѣ, съ одной стороны и къ Троицкой, съ другой, и затѣмъ на круглую Арсенальную башню. Такъ какъ осмотръ внутреннихъ стѣнъ подземной палаты Боровицкой башни, на уровнѣ пола этой палаты, насколько то позволяла земля, заполняющая аршина на 3 и эту палату, выяснилъ, что никакого выхода изъ этой палаты въ тайникъ не имѣется, то обращено было вниманіе на существующіе два дверные пролета, на $2^{1}/_{2}$ аршина ниже уровня теперешняго Кремля. Одинъ изъ этихъ пролетовъ, длиною 6 аршинъ, представляющихъ толщу стѣны башни, служилъ выходомъ въ Кремль, непосредственно на площадь, и нынѣ замурованъ, при чемъ онъ приходится какъ разъ за главной иконой часовни; второй пролетъ, обращенный въ позднѣйшее, но все же давнее время, въ окно-бойницу, соединялся перекиднымъ арочнымъ переходомъ (отъ котораго остались теперь только пяты его) съ первымъ описаннымъ пролетомъ, и выходитъ въ нижній Александр. садъ, по направленію къ Москвѣ рѣкѣ. Независимо отъ выхода на Кремлевскую площадь, первый пролетъ на срединѣ своего протяженія имѣетъ отвѣтвленіе вправо, бывшее тоже замурованнымъ. Когда послѣдняя замуровка была разобрана и встрѣченная за нею земля удалена, оказалось, что выходъ этотъ привелъ подъ бѣлокаменную винтовую лѣстницу, ведущую на верхъ башни въ перенесенную туда при Имп. Николаѣ Павловичѣ церковь Іоанна Предтечи, доступъ къ которой (лѣстницѣ) происходитъ нынѣ чрезъ желѣзную дверь изъ полисадника часовни. Продолжая выемку земли подъ этой лѣстницей, обнаружился остатокъ древней лѣстницы, угловой, забѣжныя ступеньки которой видны и теперь. Въ виду того, что съ одной стороны пролетъ желѣзной двери новый и устроенъ вмѣстѣ съ винтовой лѣстницей для болѣе удобнаго доступа въ церковь, а съ другой то, что остались ясныя указанія существованія въ древности на мѣстѣ этой лѣстницы другой, угловой, то и не представляется сомнѣнія въ томъ, что эта нижняя лѣстница открытаго двернаго пролета выводила на площадку, на горизонтѣ барбета Кремлевской стѣны, съ выходомъ на барбетъ, и съ этой же площадки начиналась другая угловая же лѣстница наверхъ башни. Что касается до какихъ либо признаковъ существованія проходовъ внизъ въ толщѣ Кремлевской стѣны въ тайникъ, то таковыхъ не найдено. Обращаясь къ дверному пролету, выходящему изъ башни въ сторону нижняго Александровскаго сада, поневолѣ является вопросъ, куда же выходила эта дверь (порогъ ея теперь на $3^{1}/_{2}$ аршина выше земли, а въ древности былъ еще выше), несо-

мнѣнно тутъ должна была быть пристройка. Изслѣдованія насыпной земли у подножія башни въ этомъ мѣстѣ подтвердили это предположеніе: на глубинѣ 3 аршинъ найденъ фундаментъ стѣны, идущей перпендикулярно къ Кремлевской стѣнѣ, но фундаментъ этотъ приложенъ къ ея контрофорсу, а не сложенъ въ перевязь съ нею. Подробное изслѣдованіе этого фундамента отложено до другаго времени, а потому теперь можно сказать лишь, что пристройка тутъ была и доходила она какъ разъ до того мѣста, гдѣ кончается высокая часть стѣны и гдѣ зубцы ея сразу опускаются значительно ниже. Не представляетъ ли этотъ необъяснимый теперь подъемъ остатокъ стѣны этой пристройки?

Переходя къ обзору работы по изслѣдованію палаты подъ проѣздомъ Боровицкихъ воротъ, приходится сказать, что и тутъ тайника не обнаружено, но причиной тому можетъ быть и то, что при капитальной урѣзкѣ части Боровицкой башни, гдѣ помѣщаются ворота, и при изворотѣ самаго направленія этихъ воротъ въ XVIII столѣтіи, выходъ въ этотъ тайникъ, если онъ существовалъ, былъ сломанъ вмѣстѣ со стѣной и какъ болѣе не нужный—застроенъ.

Единовременно съ этими работами производилось изслѣдованіе конструкціи Кремлевской крѣпостной стѣны. Для этого произведено два обнаженія стѣны до ея основанія: одно со стороны Кремля, на Житномъ дворѣ близь самой Водовзводной башни (въ фасѣ между послѣднею и Боровицкой б.), второе—съ наружной стороны стѣны въ нижнемъ Александровскимъ саду, близь Боровицкой башни, гдѣ для сего воспользовались произведенной уже выемкой земли при поискахъ фундамента пристройки къ послѣдней башнѣ. Изслѣдованія показали, что стѣна (весь фасъ между названными башнями), основана на сваяхъ, на глубинѣ 12 арш. (грунтъ плывунъ, совершенно жидкій); фундаментъ выложенъ изъ бѣлаго не тесанаго камня, на этомъ фундаментѣ, собственно говоря, выведено двѣ стѣны: наружная, со значительнымъ контрофорсомъ изъ бѣлаго тесанаго камня (контрофорсъ выступаетъ на 1 арш.), при чемъ выше контрофорса кладка идетъ изъ кирпича, и внутренняя изъ камня до уровня верхняго конца контрофорса, а затѣмъ тоже кирпичная, въ $2^1/_2$ кирпича, съ двумя рядами разгрузныхъ арокъ. Пространство между этими стѣнами заложено нетесаными бѣлыми булыгами и бѣлымъ мусоромъ на известковомъ растворѣ. Кромѣ того, для уширенія барбета стѣны,—для большаго простора, съ задней стороны стѣны выведены еще арки на столбахъ (въ перевязь съ описанной задней стѣной). Общій фундаментъ на мѣстахъ столбовъ расширяется. На разстояніи 6 аршинъ отъ свай вверхъ, между столбами этими перекинуты разгрузныя арки изъ кирпича; стѣна между столбами образуетъ

8 уступовъ, уширяющихъ въ совокупности стѣну къ фундаменту на 14 вершк. Наружный фасъ стѣны на мѣстѣ начала контрофорса украшенъ рѣзнымъ бѣлокаменнымъ буртикомъ въ 4 вершка ширины, въ видѣ каната, заваленный нынѣ землей, слоемъ въ 2½ арш. (Этотъ буртикъ доходитъ до мѣста найденнаго фундамента предполагаемой пристройки къ Боровицкой башнѣ и тутъ обрывается, что, какъ можно полагать, снова подтверждаетъ фактъ существованія пристройки, ибо отъ сего мѣста Кремлевская стѣна изъ наружной обращалась во внутреннюю стѣну стройки).

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе, что близъ сего мѣста въ стѣнѣ открытъ сквозной арочный пролетъ, начинающійся ниже буртика на 1 аршинъ 10 вершковъ, (подъ пролетомъ фундамента нѣтъ), ширина пролета 6 арш. Думается, что назначеніе его было исключительно для отвода и спуска грунтовыхъ водъ, которыя и здѣсь также высоки, какъ и у Водовзводной башни. Допустить возможность употребленія сего пролета какъ ворота нельзя, по причинѣ тѣхъ же высокостоящихъ водъ.

Въ этой же части стѣны изслѣдованы и особые продухи, находимые въ разныхъ мѣстахъ периметра кремлевскихъ стѣнъ, внутри зубцовъ; продухи эти въ большинствѣ случаевъ попадаются или черезъ одинъ зубецъ или чрезъ два, въ третьемъ. Назначеніе продуховъ долго смущало изслѣдователей и позволяло думать, что это не что другое, какъ вентиляція тайника въ стѣнѣ. Изслѣдованіе однако показало, что это только продухи для просушки наружной части стѣны. Длина ихъ, по отвѣсу, мѣняется отъ 8 до 11 аршинъ, выведены они довольно часто другъ отъ друга; затѣмъ надъ самыми зубцами стѣны сводятся въ одинъ общій горизонтальный каналъ, а изъ него выходятъ, какъ упомянуто выше, въ зубцы стѣны. Тайника между Боровицкой и Водовзводной башнями не существуетъ, развѣ только онъ разрушенъ вмѣстѣ со стѣной взрывомъ 12-го года, которымъ вся Водовзводная башня и прилегающая часть стѣны были совершенно разрушены.

Стѣна отъ Боровицкой башни до Троицкой изслѣдована не была, осмотрѣна была здѣсь лишь бѣлокаменная арка, верхъ которой выдается изъ земли, и приходится какъ разъ противъ мѣста придворнаго конюшеннаго двора (между Оружейной палатой и корпусомъ, что надъ кремлевской стѣной). Когда отвалена была земля и разобрана часть закладки арки (въ 2 кирпича на плохомъ растворѣ) подъ самой шелыгой, оказалось, что въ этомъ мѣстѣ устроенъ такой же сквозной пролетъ, какъ найденный по ту сторону Боровицкой башни, только расположеніе его сравнительно съ уровнемъ Александр. сада значительно выше. Весь пролетъ заполненъ частью краснымъ пескомъ, а главнымъ

образомъ, намывными иловатыми наслоеніями, а при выходѣ арки ко внутренней сторонѣ Кремля найденъ дубовый частоколъ и признаки навоза. Надо предполагать, что и этотъ пролетъ имѣлъ назначеніе отводить воду изъ Кремля, но не почвенную уже, а воду изъ оврага, который существовалъ именно на этомъ мѣстѣ, отъ Спаса на Бору, къ Конюшенному двору, что показываютъ многократно бывшіе по этому направленію ремонты фундаментовъ, дворцовыхъ зданій, при чемъ по всей этой линіи материкъ съ обоихъ сторонъ круто обрывается, и начинается насыпь, глубиной болѣе 20 аршинъ.

Послѣднія изслѣдованія текущ. года были произведены въ круглой Арсенальной башнѣ. Здѣсь руководитель изслѣдованій получилъ полное нравственное удовлетвореніе: убѣжденіе его, почерпнутое изъ немногихъ словъ показанія, пономаря Конона Осипова, что тайникъ, по которому шелъ дьякъ Макарьевъ, находится не гдѣ либо внутри Кремлевской ограды, а въ толщѣ самой стѣны; вполнѣ подтвердилось и представленіе его, на основаніи тѣхъ же данныхъ, о томъ, какъ основанъ фундаментъ арсенала, столбы котораго преграждаютъ путь въ тайникѣ стѣны. Въ 1-омъ надземномъ этажѣ башни обнаруженъ замуравленный выходъ тайника, отсюда идетъ довольно крутая лѣстница внизъ шириной 1 ар. 2 вершка, длиной 11 аршинъ, на глубину 8 арш. отъ поверхности земли. Тутъ сохранились дверныя четверти съ желѣзными подставами и начинается прямой ходъ къ Никольской башнѣ и отвѣтвленіе вправо, но тутъ на пятомъ аршинѣ длины прямаго хода предсталъ предъ изслѣдователями, такъ сказать, во всемъ своемъ досадномъ неприкосновенномъ величіи 1-ый бѣлокаменный столбъ арсенальнаго фундамента,— столбъ этотъ врѣзывается въ стѣну и загораживаетъ собой весь тайникъ до самаго пола его, гдѣ собственно онъ и основанъ. Ломать этотъ столбъ безъ особаго на то повелѣнія изслѣдователи, конечно, не рѣшились, да къ тому же есть надежда, въ будущемъ, такъ или иначе перехватить этотъ тайникъ внѣ Арсенала, при чемъ пробивка столба, надо надѣятся, станетъ излишней. Отвѣтвленіе хода тоже упирается въ столбъ. Интересно, куда велъ этотъ поворотъ тайника? думается что тутъ должна быть лѣстница въ толщѣ стѣны башни, по которой открывался доступъ въ нижній подземный этажъ. Подтвержденіе сей мысли найдемъ ниже.

Въ нижній этажъ изслѣдователи проникнули со стороны Александровскаго сада, чрезъ замурованное отверстіе, оказавшееся дверью, устроенною въ позднѣйшее время изъ бойницы. Въ этомъ помѣщеніи бывали и прежде, такъ, напр., осматривала его особая коммиссія предъ коронованіемъ въ Бозѣ почившаго императора Александра III, но оли-

сано оно не было, а между тѣмъ онъ этого вполнѣ стоилъ. Начать съ того, что въ немъ находится колодезь съ деревяннымъ сосновымъ срубомъ, которому во всякомъ случаѣ не болѣе лѣтъ 40—50; глубина колодца 5 аршинъ, вода стояла въ ровень съ поломъ, заваленнымъ землей и мусоромъ; вода совершенно чистая и безъ всякаго запаха. Съ лѣвой руки, бойницы, нынѣ замурованныя, выходятъ къ Историческому музею, прямо противъ входа тоже бойница, выходившая въ старину, до постройки Арсенала, въ Кремль и, наконецъ, съ правой руки широкій заваленный землею тунель — ходъ по направленію къ Троицкой башнѣ. Ширина тайника верхняго этажа равна 1 ар. 4 вершк., этотъ же ходъ достигаетъ 2½ арш. ширины. Предварительно всякихъ работъ по изслѣдованію пришлось откачать воду изъ колодца и тѣмъ дать возможность сойти водѣ, заполнявшей собой и самый ходъ, но оказалось, что 5″ сильная двойная помпа не въ силахъ была откачать постоянно прибывавшую воду. Также неуспѣшна была работа и 10″ помпы, работавшей безостановочно, со смѣнными людьми, цѣлыя сутки: вода прибывала въ 5 минутъ на 2½ вершка! Тѣмъ не менѣе, насколько было возможно, производилась работа по очисткѣ хода. Высота его не опредѣлена, такъ какъ до пола нельзя было дойти, но очищено было до 4 аршинъ высоты а въ длину ходъ очищенъ на 7 аршинъ, тутъ снова бѣлокаменный арсенальный столбъ, заложенный точно также какъ и въ тайникѣ 1-го этажа. При тщательномъ осмотрѣ явствуетъ, что тутъ былъ отростокъ хода налѣво — очевидно, на соединеніе съ отвѣтвленіемъ тайника, описаннаго выше; это предположеніе кажется вполнѣ логичнымъ, ибо соединеніе этого помѣщенія съ тайникомъ должно было существовать.

Для облегченія работы и для выясненія характера родника попробовали повысить срубъ колодца, для чего старый срубъ былъ обрытъ на 2 аршина глубины и обложенъ сильно утрамбованной хорошей глиной, ею же обложены и вновь нарубленные шесть вѣнцовъ, но вода не поднялась въ срубѣ, а попрежнему расходилась кругомъ и заливала ходъ. Пробныя изслѣдованія грунта вокругъ колодца показали, въ свою очередь, что это не болѣе какъ насыпь изъ земли и мусора, которою, можетъ быть, думали заглушить ключъ, но, какъ видимъ, безуспѣшно. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что срубъ во всякомъ случаѣ не древній и главное, что онъ размѣщенъ не въ центрѣ башни, приводитъ руководителя раскопокъ къ убѣжденію, что въ древности водѣ предоставлено было все подземелье круглой башни и что вода эта стекала свободно найденнымъ ходомъ, снабжая Кремль водой что вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ лѣтописи Крешкина, приводимымъ Све-

гиревымъ въ его книгѣ Памятники Московской Древности, стран. XIX: что Петръ Фрязинъ, по повелѣнію великаго князя Ивана Васильевича, построилъ водныя течи, аки рѣки текущія чрезъ весь Кремль градъ, осаднаго ради сидѣнья.

Невольно напрашивается вопросъ, куда же дѣвается эта масса постепенно вытекающей воды, съ того дня, какъ выстроенъ Арсеналъ, когда его фундаментные столбы съ одной стороны преградили уготованный для этого стока ходъ, а съ другой—прорѣзывая собою боковую стѣну этого хода, открыли доступъ водѣ подъ Арсеналъ! Не въ этомъ ли обстоятельствѣ и кроются постоянныя поврежденія Арсенала: его трещины, осадки и лопающіеся своды?

Предъ самымъ окончаніемъ работъ сего года, было произведено поверхностное изслѣдованіе, такъ сказать, предварительный общій обзоръ Константиновской и Набатной башенъ и стѣны между ними. Осмотрѣны были два корридора въ стѣнѣ этой, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, верхній съ бойницами, на Василія Блаженнаго, представлялъ собой то что, называлось „нижній бой“, нижній имѣлъ, вѣроятно, соотношеніе съ нынѣ уничтоженнымъ застѣнкомъ. Принадлежностью того же застѣнка надо считать и открытую изслѣдователями лѣстницу въ толщѣ Кремлевской стѣны изъ Набатной башни, ступени которой оказались сплошь заваленными каменными ядрами, величиной отъ 5 вершковъ въ діаметрѣ до 10. Ядрами этими заполнено все помѣщеніе лѣстницы до уровня 2-го этажа башни, поверхъ ихъ разравненъ мусоръ, а по немъ выложенъ новый кирпичный полъ, въ ёлку. Изъ послѣдняго обстоятельства можно, вѣроятно, заключить, что ядрами воспользовались для заполненія лѣстницы, ставшей не нужной по сломкѣ застѣнка.

До будущаго отложено и дальнѣйшее изслѣдованіе особаго тайника, ведущаго въ Кремль близъ самой Никольской башни. И здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ ожидать, что путь прегражденъ будетъ однимъ изъ столбовъ Арсенала.

К Щ.

Проф. А. И. Соболевскій, въ № 6698 „Новаго Времени“, напечаталъ слѣдующую статью подъ заглавіемъ: „Еще о Кремлевскомъ тайникѣ и царской библіотекѣ“: „Раскопки въ московскомъ Кремлѣ пока еще не дали значительныхъ результатовъ. Правда, они показали археологамъ-скептикамъ, что московскій дворъ XVII вѣка имѣлъ такія тайны, которыя не довѣрялись приказнымъ чиновникамъ и на которыя мало даже намековъ въ дошедшихъ до насъ многочисленныхъ документахъ

этого времени. Но и только. Причина отсутствія важныхъ результатовъ, кажется, заключается въ медленности работъ, а послѣдняя находится въ прямой зависимости отъ неожиданнаго препятствія, встрѣтившагося при самомъ началѣ раскопокъ: тѣ тайныя палаты кремлевскихъ башенъ, изъ которыхъ могутъ быть ходы въ кремлевскій тайникъ, оказались наполненными землею. Откуда эта земля? Ею засыпаны были башенныя палаты въ 1707—1709 годахъ.

Въ то время, въ ожиданіи нападенія на Москву Карла XII съ его шведами, производилось поспѣшное укрѣпленіе Кремля и Китай-города массою рабочихъ, число которыхъ иногда доходило до 30,000 и которые работали даже зимою. Наши свѣдѣнія о томъ, въ чемъ именно состояли эти работы, довольно скудны; но мы не можемъ сомнѣваться, что они касались, между прочимъ кремлевскихъ башенъ. Одно изъ писемъ къ Петру Великому царевича Алексѣя Петровича (онъ около полутора года наблюдалъ за работами) даетъ кое-какія интересныя указанія. Царевичъ отъ 27-го октября 1707 года пишетъ: „У Боровицкихъ воротъ роютъ до фундамента, гдѣ зачинаютъ болворокъ. По Москвѣ-рѣкѣ, между Тайницкихъ и Москворѣцкихъ воротъ, оставливаютъ бревнами и насыпаютъ землею и дѣлаютъ брустверъ. А отъ Тайницкихъ воротъ до Водовзводной (башни) и отъ Москворѣцкихъ воротъ до Васильевскаго сада такожде будетъ оставлено бревнами. На кремлевскихъ башняхъ бойницы пробиты и пушки ставятъ“... (*Мурзакевичъ*, Письма царевича Алексѣя Петровича, № 36). При этихъ работахъ попали въ землю и разныя кости, и осколки, и колонка, и копѣйка 1709 года, найденная въ палатахъ подъ Троицкою и Боровицкою башнями. При этихъ же работахъ была засыпана лѣнивыми рабочими и случайно упавшая въ яму пушка, которую откопали около Окружнаго суда...

Поиски въ старыхъ документахъ, ради извѣстій о библіотекѣ московскихъ государей XVI — XVII вѣковъ (мы остаемся при предположеніи, что въ 1682 году въ палатахъ кремлевскаго тайника находилась, между прочимъ, эта библіотека), дали болѣе цѣнные результаты.

Скептики указывали на отсутствіе всякихъ свѣдѣній о существованіи царской библіотеки съ греческими и латинскими рукописями въ XVII вѣкѣ и предполагали, что та библіотека, которая была разобрана при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ Максимомъ грекомъ и которую видѣли при Иванѣ Грозномъ нѣсколько нѣмцевъ, погибла въ одинъ изъ пожаровъ XVI столѣтія или въ Смутное время. Намъ посчастливилось найти извѣстіе объ этой библіотекѣ изъ второй половины XVII вѣка. Это—письмо извѣстнаго Паисія Лигарида, ученаго грека, проживпаго

въ Москвѣ шестидесятые годы этого столѣтія и принимавшаго значительное участіе въ дѣлѣ патріарха Никона. Оно написано къ царю Алексѣю Михайловичу, въ іюнѣ 1663 года, на латинскомъ языкѣ и издано въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“, томъ IV, № 28. Вотъ важнѣйшая часть этого письма въ латинскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ (не особенно точномъ):

Sacratissime atque piissime Imperator!

Hortus conclusus et fons signatus, si uterque fructus suos esurientibus et aquas suas sitientibus abunde minime praebeant, ac si non essent, jure merito reputantur. Ad quid a me relata sunt isthaec? fama *jam pridem* innotuit, Vestram Majestatem serenissimam selectos libros in variis bibliothecis adeptam fuisse; propterea supplico instanterque precor, ut mihi liber aditus concedatur, eos tam graecos, quam latinos *codices* revisendi atque revolvendi. Hocque certissime proficiet, nec nocebit sacrosanctae Dei ecclesiae, nec non augustissimo Vestro imperio, quod Divina Providentia perpetuo protegat, exaltet, stabiliat. Amen, fiat, fiat!

О священнѣйшій и благочестивѣйшій Императоръ!

Вертоградъ, заключенный отъ алкающихъ, и источникъ, запечатлѣнный отъ жаждущихъ, по справедливости почитаются не существующими. Я говорю сіе къ тому, что *давно* уже извѣстно о собраніи Вашимъ Величествомъ изъ разныхъ книгохранилищъ многихъ превосходныхъ книгъ; почему нижайше и прошу дозволить мнѣ свободный входъ въ Ваши книгохранилища, для разсмотрѣнія греческихъ и латинскихъ сочиненій. Кромѣ вѣрной пользы, сіе не нанесетъ никакого предосужденія святой Божіей церкви, ни Августѣйшей Вашей имперіи, которую да покроетъ, возвысить и утвердитъ Всевышнее Провидѣніе. Аминь, буди, буди!

То, что Паисій здѣсь говоритъ о принадлежащихъ царю издавна греческихъ и латинскихъ рукописяхъ (codices), можетъ относиться только къ старой библіотекѣ московскихъ государей; нѣтъ никакой возможности видѣть въ этихъ рукописяхъ тѣхъ греческихъ книгъ, которыя, по порученію Никона, были пріобрѣтены въ 1645—1655 годахъ Арсеніемъ Сухановымъ на Аѳонѣ и въ другихъ мѣстахъ востока, такъ какъ послѣднія считались принадлежащими патріарху и въ 1663 г., вмѣстѣ съ другими книгами Никона, находились или въ Воскресенскомъ монастырѣ (большая часть), или въ принадлежавшемъ этому монастырю Иверскомъ подворьѣ (немногія).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о царскомъ отвѣтѣ на письмо Паисія (они должны быть въ московскомъ архивѣ министерства

иностранныхъ дѣлъ) и можемъ лишь догадываться, что Паисій подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ получилъ отказъ.

Одно изъ нѣмецкихъ извѣстій о царской библіотекѣ, разсказъ пастора Веттермана (онъ видѣлъ эту библіотеку въ 1565 или 1566 году), сообщаетъ, что въ ней были книги не только греческія и латинскія, но и *еврейскія*. Н. П. Лихачевъ нашелъ въ наказѣ Ивана Грознаго послу къ ногайскимъ татарамъ Михаилу Сунбулову, 1565 года, такія слова: „А нѣчто молвитъ Тинехматъ князь: писалъ есми ко царю и великому князю о книгѣ Азяибу-й-махлукатъ, и государь тое ко мнѣ книги не прислалъ. И Михаилу молвити: государь нашъ тое книги въ казнахъ своихъ искати велѣлъ и доискатися ее не могли". Изъ нихъ видно, что ногайскій князь обратился къ царю съ просьбою прислать ему сочиненіе Казвини Аджаибу-ль-махлукатъ", то-есть „Чудеса природы", что царь велѣлъ искать арабскую рукопись въ своей библіотекѣ и что ея не нашли. Ясно, проситель зналъ, что Иванъ Грозный владѣетъ арабскими рукописями, и самъ царь не думалъ отрицать этого. Если мы заглянемъ въ лѣтопись, мы въ ней найдемъ извѣстіе, что послѣ смерти казанскаго царя Сафа-Гирея, казанскіе татары выдали воеводѣ Грознаго его вдову и сына и что при этомъ воевода захватилъ и отправилъ въ Москву всѣ цѣнности, всю „казну" казанскихъ царей, и будемъ имѣть право предположить, что при Иванѣ Грозномъ къ доставшимся ему по наслѣдству греческимъ и латинскимъ книгамъ были присоедины арабскія, взятыя въ Казани. Принявъ въ соображеніе, что ногайскіе князья были свои люди въ Казани, какъ родственники и свойственники казанскихъ царей, и могли имѣть свѣдѣнія объ ихъ библіотекѣ, мы поймемъ просьбу Тинехмата, а допустивъ, что между арабскими рукописями были написанныя куфическимъ письмомъ, которое можно принять за еврейское, мы признаемъ имѣющимъ основаніе разсказъ Веттермана о еврейскихъ книгахъ".
